

Джинни Майерс Сэйн

Как сохранить секрет в городе,
полном экстрасенсов?

Джинни Майерс Сэйн

Темные тайны

Серия «Neoclassic: Расследование»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67899612
Темные тайны: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-149289-2

Аннотация

Ла-Кашетт, крошечный городок в штате Луизиана, – самопровозглашенная столица магов и экстрасенсов. В этом месте семнадцатилетняя Грей проводит каждое лето вместе со своими друзьями. В городе, где, казалось бы, ничего невозможно скрыть, несколько лет назад были зверски убиты четырехлетние сестры-близняшки, их убийцу так и не нашли. А полгода назад бесследно исчезла Элора, лучшая подруга Грей.

Кто стоит за этими чудовищными преступлениями?

На болотах много жутких, пугающих суеверий и легенд, поэтому местные обвиняют в преступлениях то духов, то скрывающегося на болотах оборотня, то загадочного мага-отшельника Демпси Фонтено. И тогда Грей решает самостоятельно выяснить истину, потому что в городе, где убийца находится на свободе, никто не может считаться невиновным...

Содержание

1	5
2	19
3	35
4	48
5	57
6	63
7	78
8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джинни Майерс Сэйн

Темные тайны

Ginny Myers Sain

DARK AND SHALLOW LIES

© Ginny Myers Sain, 2021

© Перевод. Н. Кудашева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Эта книга посвящается моим Летним Детям,
всем детям театра «Подмостки». Но особенно
– нашей Кэйти.*

*Все прошлое – пролог.
У. Шекспир. «Буря»*

*Он продирается за мной сквозь кусты, тяжело дыша и
выкрикивая мое имя. Даже несмотря на ветер и проливной
дождь, я слышу только его. И прибавляю шаг. Я выбегаю на
открытое пространство и чувствую, что он приближается.
Теперь больше нигде укрыться, кроме как в темноте. Я
выключаю свой фонарик и позволяю тьме поглотить меня.*

Когда я в последний раз виделась со своей лучшей подругой, она назвала меня жалкой лгуньей и ударила кулаком в челюсть. Из-за шока я ничего не почувствовала, понятия не имею, о чем думала Элора в тот момент. Она мне не сказала, а я не умею читать мысли.

Вот Лапочка, моя бабушка, умеет. Моя мать тоже умела. Все женщины в моей семье умели это делать.

Но только не я.

Я размышляю о той ночи прошлым летом, стоя на парадном крыльце нашего книжного магазина «Мистическая Роза». Смотрю на объявление, где сообщается о пропаже Элоры, и стараюсь успокоить дыхание. Мне непонятно, почему они выбрали именно эту фотографию. Ту, где Элора с полужакрытыми глазами, она ненавидела этот снимок.

Боже.

Не ненавидела, а *ненавидит*.

Я морально готовила себя к этому моменту со времен телефонного звонка в феврале. Старалась представить, как это будет, когда я вернусь домой и сойду с пароходика в Ла-Кашетт, где уже нет Элоры. Я знала, что будет тяжело, но не была готова увидеть плакат, на котором слова: ПРОПАЛА ДЕВУШКА, напечатаны большими красными буквами. И номер телефона шерифа.

Я чувствую, как внутри все сжимается. Рюкзак падает на землю, а я опускаюсь на ступеньки крыльца, чтобы собраться с силами. Очистить голову от жуткого видения, которое, словно вспышка молнии, поразило меня.

Образ Элоры, убегающей от кого-то.

Незнакомец преследует ее под дождем.

А потом Элору поглощает тьма.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы избавиться от ужаса. Ее ужаса. Тогда я снова могу нормально дышать.

Хлопает соседская сетчатая дверь, и я слышу шаги на крыльце у себя за спиной. Это Ева.

– Привет, Грей! – Она на корточках присаживается рядом со мной на ступеньках и предлагает разделить пластинку жвачки, вынув ее из кармана джинсовых шорт. – Мисс Розалин сказала, что ты приедешь сегодня утром. Ты только сейчас прибыла?

Городок Ла-Кашетт, штат Луизиана, – самопровозглашенная столица экстрасенсов, поэтому мне кажется странным, когда каждое мое лето начинается с того, что люди задают мне вопросы, ответы на которые им и так должны быть известны.

Как дела в школе в этом году?

По-прежнему хорошие отметки?

Уже встречаешься с парнем?

– Да. – Я принимаю угощение Евы и киваю в сторону лежащего около моих ног рюкзака. – Сошла с почтового судна

несколько минут назад. — Жвачка немного засохла. Интересно, как долго Ева таскала ее с собой?

— Мы не знали, приедешь ли ты в этом году... — Голос Евы замирает, и она бросает взгляд на объявление о пропаже, на расположенную в его центре фотографию, на полузакрытые глаза и длинный темный конский хвост, на ярко-синюю майку без рукавов с выцветшими желтыми звездами. И на улыбку, как бы говорящую: «Уж я надеру тебе зад».

Элора...

— Она моя лучшая подруга, — произношу я. — Моя... — Но не могу выдать больше ни слова.

— Твоя родственная душа, — говорит Ева, и я киваю. Она придвигается ближе и берет меня за руку. — Поэтому ты приехала.

Ласка Евы знакома мне так же хорошо, как гладкие ступеньки крыльца, как запах реки. Я рада, что именно она первой обнаружила меня.

Я вытираю пот верхней частью футболки. Сейчас только половина девятого утра, а такое ощущение, что уже миллион градусов жары и пятьсот процентов влажности. Почти до девяти лет я жила тут постоянно, так что вроде бы должна была привыкнуть к такой погоде. Но нет, мне всегда требуется время, чтобы акклиматизироваться после школьного года в Арканзасе, где я живу с отцом. Там тоже жарко... но не так, как здесь.

Нигде нет такой жары, как в Ла-Кашетте. И высокой влаж-

ности. Провести лето в этом городке все равно, что жить три месяца в сауне.

Я отвожу взгляд от фотографии Элоры и замечаю, как в высокой осоке рядом с дощатым настилом скрывается хвост большой черной змеи. Расстояние слишком большое, чтобы определить вид змеи. Но, по-моему, это щитомордник. Я знаю, что они тут обитают, ползают у нас под ногами. Время от времени кто-нибудь из них выползает на дощатый настил, а затем в чей-нибудь дом, где встречает свою погибель от мотыги или лопаты.

Я не хочу думать о змее и о том, куда она направляется, но это лучше, чем смотреть на плакат и на слова «Пропала девушка», которые прочно въедаются мне в мозг.

– Ты в порядке, Грей? – спрашивает Ева. Она наматывает на палец прядь светлых, почти белых, волос.

– Да. Просто как-то странно, понимаешь? Все по-другому...

– И в то же время все по-старому.

И это так.

Ева наклоняется, чтобы почесать место укуса насекомого на босой ступне, и я замечаю, как сильно она вытянулась с прошлого лета. К тому же у нее появилась грудь. В прошлом сентябре Еве исполнилось шестнадцать лет, она самая младшая из всех нас... но всего на год.

Местные называют нашу компанию «Летние Дети». Десять. Совершенное число. Число божественной гармонии.

Десять заповедей. Десять казней египетских¹.

Десять младенцев, родившихся в восьми разных семьях.

Настоящий демографический бум для маленького Ла-Кашетта. Сотня крохотных пальчиков на руках, и столько же – на ногах. Мы родились в один и тот же год между днем весеннего равноденствия в марте и днем осеннего равноденствия в сентябре.

Я, Элора. Харт.

Евангелина.

Серафина и Лисандр.

Кейс.

Мэки.

Эмбер и Орли.

Интересно, изменились ли остальные? Что происходило с Элорой, пока меня не было?

Черт!

Почему происходило? Происходит!

Внезапно меня пронзает боль, такая сильная, что я утопаю в ней. И, возможно, в отличие от меня Ева умеет читать мысли. Она кладет руку мне на плечи и неловко обнимает.

Только я знаю, что она не телепат. Ева – ясновыслушательница. Она многое слышит. Сообщения. Слова. Обрывки звучащих шепотом разговоров. Порой – музыку. У нее в голове словно

¹ Описанные в Пятикнижии бедствия, постигшие египтян за отказ египетского фараона освободить поработанных сынов Израилевых. – *Здесь и далее примеч. пер.*

работает радио. Такой у Евы дар.

Моя мать тоже не была настоящим телепатом. Не совсем. Она видела цветные свечения. Это был ее дар. Что объясняет то, как я получила свое имя². Представьте, что вы смотрите на свою прекрасную малышку и видите, как она плывет в море серого цвета.

Цвета тумана и нерешительности.

Такой цвет не представляет собой ничего особенного.

Это цвет всего промежуточного.

– Мы рады, что ты здесь, Грей. – Голос Евы мягкий. Она всегда говорит тихо, словно боится заглушить голоса в своей голове. Будь я на ее месте, наверное, говорила бы громко, чтобы не слышать их шепот. – Мы тебя ждали, – добавляет Ева. И я знаю, что она имеет в виду всех.

Ну, всех, кроме Эмбер и Орли, потому что они ушли навсегда.

И кроме Элоры.

Элора пропала чуть больше трех месяцев назад. Однажды февральской ночью она отправилась на болото и бесследно исчезла.

– Ты уже виделась с Хартом? – спрашивает Ева.

– Я не виделась ни с кем, – отвечаю я. – Кроме тебя.

– Он не в порядке, Грей. – Голос ее звучит как-то странно, и она отворачивается, смотрит в сторону реки. – Я хочу сказать, всем было тяжело, но Харту... он... – Ева нервно кача-

² От англ. *Grey* – серый.

ет головой и начинает грызть ногти. – Ты сама заметишь.

Мне кажется неправильным, что мы обсуждаем Харта прежде, чем я увиделась с ним. Знаю, ему бы это не понравилось.

– Лапочка встала? – спрашиваю я.

– Да, – кивает Ева. – Она в подсобке распаковывает пачку новых дисков с йогой. Я принесла ей маффины для туристов.

Для всех остальных мою бабушку зовут мисс Розалин. Но я называю ее Лапочкой. Она владеет книжным магазином с эзотерической литературой – это единственный прибыльный бизнес в городе. «Мистическая Роза» продает книги, а также амулеты, магические кристаллы, благовония, свечи, лечебные травы, а теперь еще и диски с йогой. В выходные мать Евы, Бернадетта, подрабатывает, отправляя Лапочке свежую выпечку и бутерброды, чтобы та продавала их голодным туристам.

– Пожалуй, я дам ей знать, что уже приехала, – произношу я. – Она думает, что я прибуду десятичасовым пароходом.

Не существует дорог, которые вели бы в Ла-Кашетт. Чтобы добраться сюда, из Нового Орлеана едешь два часа на машине на юг, затем шоссе заканчивается в Кинтере, крохотном городке, где можно купить продукты и бензин, а затем пересаживаешься на пароходик и продолжаешь свой путь в парасихологическую столицу мира. Путешествие по реке до Ла-Кашетт занимает полчаса.

Городок, хотя он недостаточно велик, чтобы так называть-

ся, расположен на низинном острове, в самой южной точке Луизианы, прямо в том месте, где могучая Миссисипи распадается на три рукава, а затем расщепляется еще на сотню, прежде чем излиться в заболоченную заводь, которая в итоге достигает Мексиканского залива. С одной стороны острова – «Старик-река»³, а по другую – ничего, кроме полузатопленного болота.

Как любит повторять Харт, есть только вход. И никакого выхода.

Я бросаю взгляд на старую деревянную табличку, прибитую к столбу на лодочном причале.

«Добро пожаловать в Ла-Кашетт, штат Луизиана!
Высота над уровнем моря – 3 фута.
Население – 106 человек».

Это число меняется, когда кто-нибудь рождается.
Или умирает.

В моем подсознании глумливый голос шепчет, что теперь им придется переделать эту табличку. Из-за Элоры. Но я затыкаю уши, не позволяю себе слушать.

В этот момент из книжного магазина доносится голос Лапочки:

– Грей, ты собираешься войти и поздороваться со мной?
Ева улыбается и собирается уходить:

³ Прозвище реки Миссисипи.

– Она уже знает.

Дует легкий ветерок, и я слышу звон китайских колокольчиков где-то неподалеку. Это приятный звук. Почти как смех.

Улыбка Евы гаснет:

– Мисс Розалин всегда все знает.

Она поворачивается и шагает по дощатому настилу в направлении своего дома, находящегося по соседству. Но я останавливаю ее вопросом, который не собиралась задавать:

– Ты думаешь, она мертва?

Несколько секунд Ева пристально смотрит на меня, наматывая на палец длинную прядь светлых волос, моргает бледно-голубыми глазами, а потом произносит:

– А ты?

– Надеюсь, что нет.

Однако я не говорю Еве остального. Элора не может быть мертва, ведь если ее нет в живых, я не представляю, как буду продолжать жить дальше.

Ева поднимает руку, чтобы отогнать слепня, жужжащего вокруг ее головы, и, когда она открывает рот, чтобы снова заговорить, мне хочется сказать, что я не спрашиваю ее мнения. Я хочу понять, звучит ли у нее в голове радио, настроенное на частоту Элоры. Но единственное, что она говорит:

– Добро пожаловать домой, Грей!

Лапочка опять зовет меня из книжного магазина, я встаю и подбираю свой рюкзак. Потом выплевываю жвачку Евы в

высокую траву и направляюсь внутрь.

Когда я открываю дверь, звонит колокольчик, и Лапочка кричит:

– Вернулась, Сахарная Пчелка!

Я осторожно проношу рюкзак через заполненный предметами магазин. Курятся благовония, и каждый дюйм буквально ломится от книг, бутылочек, баночек и цветных камней. На подоконниках в маленьких пучках сушатся травы.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дух в уютной обстановке сотен знакомых запахов, потом раздвигаю занавес из бусин, который висит у входа в подсобку. Лапочка прекращает распаковывать коробки и подходит, чтобы крепко обнять меня. На ней фиолетовое платье с цветочным рисунком и удобные белые теннисные туфли. Длинные серьги и желтый шарф, скрывающий седые кудри. Я не могу понять, изменилась ли она с тех пор, как я уехала отсюда в прошлом августе. Похоже, какого бы возраста ни была Лапочка, мне кажется, что она не меняется. Только, глядя на фотографии, я замечаю, что Лапочка стареет.

– Вот и моя девочка! – Она целует меня в макушку. – Какая у тебя прическа! – добавляет Лапочка, хотя у меня на протяжении многих лет одна и та же короткая стрижка пикси. – Ты выглядишь такой утонченной! – Это заставляет меня улыбнуться. – Я думала, ты приедешь позднее, – ворчит она. – Я бы приготовила завтрак.

Дважды в день в будни и три раза в выходные старый чел-

нок ездит между Кинтером и Ла-Кашеттом. Первый рейс всегда бывает в десять часов. Однако, если повезет, можно уговорить капитана почтового судна, Альфонсо, позволить тебе поехать с его ранним рейсом. Сегодня мне повезло.

– Я не очень голодная, – отвечаю я. – Я съела батончик мюсли.

Лапочка поднимает брови, молчаливо порицая моего отца за то, что посадил меня на пароход без завтрака.

– Евангелина принесла свежих маффинов, – сообщает она. – С отрубями. И, по-моему, несколько штук с ежевикой. – Лапочка ведет меня обратно в магазин и указывает на корзинку возле кассы.

Я копаюсь в маффинах, пока не нахожу тот, что с ежевикой. Начинаю отдирать с него вощеную бумагу, когда замечаю на прилавке стопку листовок.

«ВЫ ВИДЕЛИ ЭТУ ДЕВУШКУ?»

Под большими прописными буквами – еще одна фотография Элоры. На этот раз она сидит на краю столика для пикника позади ее дома. На ней джинсовые шорты и оранжевая укороченная майка. Длинные темные волосы распущены, солнцезащитные очки, как корона, украшают голову. Рот открыт – ее застигли в тот момент, когда она смеется.

Я тотчас узнала это фото. Оно было сделано в начале прошлого лета. До того, как у нас с Элорой все разладилось. Лишь узкая полоска голого плеча с краю снимка намекает на то, что кто-то сидит рядом с ней. Кто-то, кого позднее обре-

зали.

Этот кто-то – я.

Лучшая подруга, которую Элора вырезала из своей жизни, точно так же, как кто-то обрезаю меня на фотографии.

Минуту я вспоминаю, стараясь припомнить, почему она смеялась. Я смотрю на Элору и на то пространство, где следовало находиться мне. Когда я наконец поднимаю голову, то вижу, что Лапочка наблюдает за мной.

– Ты ее чувствуешь, – произносит она. – Ты всегда говорила, что у тебя нет дара, но я не верила.

– Нет. – Я обратно заворачиваю маффин в бумагу и откладываю его в сторону. – Это не то. Я просто постоянно ожидаю, что она объявится, понимаешь?

Я хочу задать Лапочке тот же самый вопрос, который спросила у Евы. Знает ли она наверняка, жива ли Элора? Но я молчу, так как боюсь услышать ответ.

Лапочка – спиритуалист старой закалки. Настоящий медиум. Она верит, что духи мертвых существуют и обладают способностью напрямую общаться с живыми. Если пожелают.

По мнению Лапочки, они общаются через видения. Она гадает на кофейной гуще и делает все в таком духе, но это лишь шоу для туристов, приезжающих на дневную экскурсию из Нового Орлеана. Настоящие способности Лапочка не применяет, так как никто больше не хочет прислушиваться к мудрости мертвых. Все только интересуются, когда их парни

сделают им предложение, либо выиграют ли они в лотерею. А мертвым, считает Лапочка, это безразлично, потому что у них есть дела поважнее.

Я отрываю взгляд от изображения Элоры, а Лапочка по-прежнему наблюдает за мной.

— С каждым годом ты все больше напоминаешь мне свою мать, — произносит она, и я понимаю, что сходство, которое она видит, лежит глубже, чем наши каштановые волосы, большие зеленые глаза и разбросанные по носу веснушки. — Всегда важное прячешь в себе.

Звенит маленький колокольчик над дверью, и я поднимаю голову, надеясь, что там стоит Элора и вся эта история будет закончена. Мы сорвем объявления о пропаже и вышвырнем листовки в мусор. Затем я попрошу у нее извинения, и она меня простит. И все станет как прежде.

Так, как должно быть.

Но это не Элора, а Харт.

И я думаю, что это не хуже.

* * *

Я делаю несколько шагов назад. Именно здесь все закончится. Мы оба это знаем. В этот момент начинается ливень. Небо резко раскалывается прямо над нами, дождь льет как из ведра. Реки воды. Такой дождь быстро смывает кровь и улики. Никаких следов. Никаких зацепок. Никакого

прощания.

Прежде, чем я успеваю поздороваться, Харт уже огибает прилавок и крепко, до боли, обнимает меня. Его руки сильные. Знакомые. И я позволяю себе раствориться в надежной безопасности дома. Тихое пощелкивание занавески из бус говорит мне о том, что Лапочка ускользнула в подсобку, чтобы оставить нас наедине.

– Ева сообщила мне, что ты приехала. – Голос Харта звучит иначе, чем прошлым летом. Он кажется ниже. А может, просто печальнее. Я общалась с ним по телефону в феврале, когда он позвонил, чтобы рассказать об Элоре. Но тот разговор был странным. Коротким и беспорядочным. Мы не привыкли болтать друг с другом по телефону. И оба были расстроены. Харт рассказал мало подробностей, а я была слишком потрясена, чтобы задавать вопросы. Как только я положила трубку, я не могла поверить в реальность произошедшего. Словно я просто выдумала этот телефонный разговор.

Но сейчас я убедилась в реальности. Объятие меня убедило.

Харт самый старший из нас, он первый из десятки. Родился в конце марта, почти на три месяца раньше, чем мы с Элорой, которые пришли в этот мир в один и тот же день, в июне. Харт – сводный брат Элоры, но слово «сводный» никогда не имело для нас значения. Я тоже относилась к нему,

как к старшему брату. Порой он с нами играл, иногда доставал нас. Время от времени Харт заступался за нас и задавал кому-нибудь жару. Но он всегда был рядом. Мать Харта вышла замуж за отца Элоры, когда нам было по шесть лет, это только подтвердило то, что мы и так уже знали, – мы трое принадлежим друг другу.

Родственные души – не разлей вода.

Три монетки в фонтане⁴.

Цирк с тремя аренами под одним куполом.

Харт, Элора и Грей. Грей, Элора и Харт.

Через месяц Харту должно было исполниться семнадцать, когда пропала Элора, но когда он позвонил мне на следующий день, голос у него был совсем не взрослым. Он звучал так, как в нашем детстве. Испуганно.

– Как ты держишься? – спрашиваю я. Ева была права. Харт выглядит так, словно неделями не ел и не спал.

– Это тяжело, Грейси. – Он отстраняется, чтобы взглянуть на меня. – Ты-то как?

Я пожимаю плечами.

– Думаю, здесь мне легче.

Я хотела приехать с самого начала – стала собирать вещи, как только позвонил Харт, но отец мне не позволил. У нас произошла ссора, мы кричали и хлопали дверьми, а потом не разговаривали почти неделю. Отец сказал, что я не буду про-

⁴ «Три монетки в фонтане» – популярная песня, получившая премию «Оскар» за лучшую песню к фильму в 1955 г.

гуливать школу, особенно в самом конце выпускного класса, когда вот-вот начнется сезон спортивных состязаний.

Стипендия, понимаете?

Харт отходит и садится на высокий табурет за кассой, и я вижу, как он смотрит на листовки. Проводит пальцами по непослушным темным кудрям, но они не поддаются приручению. Готова поспорить, что Харт не притрагивался к расческе с того февральского дня. Глаза у него покрасневшие, а ногти на руках выглядят так, словно он грыз их до мяса. Харт проводит много времени на свежем воздухе, но кажется бледным, несмотря на свой рыбацкий загар.

Он кивает на стопку листовок:

– Это я сделал снимок. Помнишь тот день?

– Я пыталась вспомнить, над чем Элора смеялась.

– Кто знает? – Харт старается улыбнуться. – Элора часто смеялась.

Я жду, когда он исправит собственную ошибку. Элора смеется. Но Харт, похоже, оставляет ее в прошлом.

– Новостей по-прежнему нет? – спрашиваю я. – Никто ничего не слышал? – Невероятно, что кто-то может просто исчезнуть. Нет ни следов, ни зацепок.

Ни прощания.

Как такое возможно? Именно здесь, в этом месте?

Харт качает головой:

– Никаких следов, Грейси. Они так и не нашли...

Он запинается, и я чувствую тошноту. Понимаю, что Харт

имеет в виду. Они искали там, в байу⁵. Не Элору. А то, что от нее осталось, нечто ужасное и уродливое. Что-то плавающее в болоте. Распухшее, разлагающееся тело, всплывшее на поверхность грязной, черной воды. Тело, опознаваемое только по ярко-синему топу на бретельках с выцветшими желтыми звездами.

Или часть тела, что более вероятно. После аллигаторов мало что остается.

Комната продолжает кружиться, и я хватаюсь за край прилавка, чтобы сохранить равновесие. Харт мгновенно вскакивает, берет за руку и притягивает меня к себе.

– Эй, Грейси, спокойно. – Голос его тихий и мрачный, но знакомое звучание немного успокаивает меня. – Сейчас все пройдет. Просто дыши. – Я киваю, упираясь лбом в его грудь и чувствуя вину за то, что вынуждаю Харта утешать меня. Особенно, когда знаю, что ему это тоже нужно.

Харт по психическому складу личности – эмпат. Лапочка считает, что это величайший дар, но в то же время самый худший. Она говорит, что это его может погубить, если он не побережет себя. Харт не просто знает, что чувствуют другие люди, он ощущает это. Все, до мелочи, и так же сильно, как они. Каким-то образом их переживания проникают в него. И я знаю, чего это ему стоит – постоянно принимать на себя чужую боль. Я высвобождаюсь из его рук и отхожу, чтобы дать ему немного пространства.

⁵ Заболоченный рукав реки, озера или морского залива.

– Что вы, ребята, там делали? В ту ночь? – У меня много вопросов. Харт мало рассказал мне по телефону. После нашего разговора я позвонила Лапочке, и та сообщила мне все, что знала. Но ей были известны лишь самые несущественные детали.

Харт смотрит на меня и вздыхает.

– Не хочешь уйти отсюда? – Он обводит взглядом магазин. – Пока не причалил первый пароход. У меня нет настроения возиться с туристами.

Каждый человек в Ла-Кашетте имеет свои отношения с туристами, которые можно обозначить как «любовь-ненависть». Местные их ненавидят, однако любят их деньги. Деньги туристов – единственное, что поддерживает на плаву большинство жителей. И еще рыбалка. В субботу, при хорошей погоде, пара сотен людей могут совершить прогулку от Кинтера до Ла-Кашетта и обратно на борту старенького речного такси. По пути капитан вещает в потрескивающий микрофон, обращая внимание туристов на живописные объекты по берегу реки.

Я заглядываю в подсобку и говорю Лапочке, что мы с Хартом уйдем ненадолго. Она кивает:

– Вам двоим полезно побыть вместе. Целительно.

Не знаю насчет исцеления, но понимаю, что мне нужно побыть с кем-то, кто любит Элору так же сильно, как я. Это не отменяет факта ее пропажи, но я не так сильно буду ощущать одиночество.

Оказавшись снаружи, мы с Хартом поворачиваем налево. Идем в тишине, и несколько мгновений все кажется почти нормальным. Мне нравится знакомое шарканье шлепанцев по дощатому настилу. Этот звук у меня ассоциируется с летом, с Ла-Кашеттом.

Городок состоит примерно из двух дюжин маленьких домиков на сваях, соединенных между собой деревянной пешеходной дорожкой, приподнятой над землей. Все в этом городе построено таким образом, чтобы наводнения, приливы и речной ил протекали под нами. Мы находимся и не на воде, и не на земле. Когда происходит отлив, в распоряжении города появляется несколько ярдов суши. Хотя это с натяжкой можно назвать сушей. Когда прилив, то сложно понять, где заканчивается река и начинается город.

Прямо сейчас идет прилив, и вода под нашими ногами медленно прибывает. Я щурю глаза из-за слепящего света, отражающегося от реки, и из-за яркой белой краски. Весь город каждую весну покрывается краской. Красится каждый квадратный дюйм: все постройки, дощатый настил, даже причал. Все одинакового ярко-белого цвета. Вероятно, живя всю жизнь бок о бок с грязью и илом, местные жители жаждут чистоты.

«Мистическая Роза» расположена прямо в центре города, напротив речного причала, а дом Харта и Элоры находится ниже по реке. Он самый последний. В четверти мили и в целых пяти минутах ходьбы. На всех постройках в городе есть

таблички над парадным крыльцом или написанные краской на окнах буквы, рекламирующие полный спектр эзотерических услуг. Тут все – от спиритических сеансов, гаданий по ладони до регрессии прошлой жизни⁶. Есть даже одна дама, утверждающая, что может контактировать с духами ваших умерших домашних питомцев и они – за номинальную плату, конечно, – передадут ей свои сообщения на великолепном английском.

Табличка, которая свисает с фасада маленького домика, где живут Элора и Харт, сделана из фанеры, вырезанной в форме сердца. Она выкрашена в ярко-красный цвет, с затейливыми золотыми буквами: «ЛЮБОВНОЕ ЯСНОВИДЕНИЕ. МИСС КАССИОПЕЯ, СОВЕТНИЦА В СЕРДЕЧНЫХ ДЕЛАХ»

Если вы принесете матери Харта что-то, принадлежащее вашему бойфренду, жене или жениху, она может сказать, любят ли они вас по-настоящему. Я миллион раз видела, как она это делает, и всегда безошибочно. Люди со всей страны присылают ей предметы по почте. Карандаш подружки или запонку мужа. Их гостиная обклеена приглашениями на свадьбу от счастливых клиентов. Я не сомневаюсь в ее таланте, но на самом деле ее зовут Бекки, не Кассиопея. В Ла-Кашетте граница между реальным и вымышленным становится размытой.

⁶ Регрессия прошлой жизни – псевдонаучная техника использования гипноза для обнаружения воспоминаний людей о прошлых жизнях или реинкарнациях.

Дощатый настил заканчивается сразу за их домом, и именно туда направляемся мы с Хартом. Там, в речном иле ржавеет старая понтонная лодка, принесенная каким-то ураганом. Отец Элоры, Лео, приковал лодку цепью, чтобы ее не унесло при следующем наводнении, так она и осталась. Наверное, он надеялся когда-нибудь починить ее, но так и не решился. В то лето, когда нам было по семь лет, мы провозгласили ее местом своих постоянных сборищ. И с тех пор она стала нашей.

Лодка была нашим пиратским судном. Мать Евы сшила нам для нее флаг с черепом и скрещенными костями. Следующим летом лодка превратилась в космический корабль. А став старше, мы приходили сюда, чтобы украдкой выкурить сигарету или выпить по очереди банку пива. Большинство из нас первый раз там поцеловались. А некоторые – и того больше. Элора потеряла там свою девственность с Кейсом в то лето, когда нам было пятнадцать.

Харт спрыгивает на нос лодки. Высота не очень большая, примерно четыре-пять футов от настила, но мои ноги не такие длинные, как у него, поэтому я спускаюсь к нему по шаткой деревянной лестнице.

– Эй, Печенька, – поддразнивает он. – Ты живешь в Литл-Роке⁷, потому что низкого роста? Или это совпадение? – Я закатываю глаза. Старая шутка, притом глупая, но сейчас я

⁷ Литл-Рок – административный центр штата Арканзас, США. Слово «little» в английском языке означает «маленький».

радуюсь ей. Харт смеется надо мной. Мне всегда нравились его морщинки в уголках глаз, когда он улыбается, и я радуюсь, что вижу старого доброго Харта, пусть даже эта вспышка радости длится только секунду.

Мы сидим вместе на одной из потрескавшихся скамеек. Навес у лодки давно отсутствует, и я рада, что нахожусь в тени единственного кипариса, который растет из темной воды в нескольких футах от нас. Я скидываю шлепанцы и притягиваю колени к груди.

– Ты видел Уилли Нельсона в этом году? – спрашиваю я. Харт кивает.

– Вижу его буквально каждый день. По-прежнему здоровый, как баржа, и страшный, как смертный грех.

Уилли появился три или четыре года назад. Чудовищный аллигатор. В длину, вероятно, футов тринадцать. Местные наверняка пристрелили бы его на мясо, но туристы любят фотографировать Уилли. Когда река полноводная, он исчезает в глубине байу, а вскоре, когда вода начинает уходить, приползает в пруд. И так год за годом, потому что пруд никогда не высыхает. Однажды Лео застукал, что мы бросаем крокодилу хот-доги, и пригрозил вышибить дух из всех, включая Уилли. Мы существуем в состоянии осторожного перемирия. Уилли живет в своей части илистого пруда, а мы – в нашей.

Харт наклоняется и подбирает старый гвоздь, ржавеющий на дне лодки. Он швыряет его в сторону, где обычно обитает

аллигатор, и я слышу, как гвоздь звонко шлепается в воду. Мы наблюдаем, как по поверхности начинает идти рябь, а в течение нескольких минут становится так тихо, что злое жужжание водяных насекомых кажется почти оглушительным.

Вскоре Харт вдыхает полной грудью.

– Мы охотились за фифолетом⁸. Как делали в детстве, помнишь?

Я киваю. Все мы выросли, слушая рассказы о проказливых блуждающих огоньках, появляющихся в байу. Странные, жутковатые шарики колеблющегося голубого газа. Легенды каджунов⁹ гласят, что, если ты достаточно храбр, чтобы следовать за фифолетом, они приведут тебя к пиратскому сокровищу контрабандиста Жана Лафита. Но часто фифолет балуется, уводя людей все дальше и дальше от безопасного места, пока они не исчезают в болотах.

Я вздрагиваю, потому что ощущаю старый страх, но Харт легонько подталкивает меня.

– Это ведь только легенда, Грейси.

– Да, – соглашаюсь я. Но эти легенды всегда меня пугали.

– Была вторая суббота месяца, поэтому все взрослые отправились вверх по реке в Кинтер на розыгрыш лотереи. И

⁸ Яркий свет на болоте, который по легенде дезориентирует тех, кто пытается за ним следовать.

⁹ Каджуны – своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана.

было совершенно нечем заняться. Это была идея Элоры. Она хотела пойти на охоту за фифолетом. – Он пожимает плечами. – Ну, мы и пошли.

Я жду, пока Харт вытащит из кармана рубашки потрепанную пачку сигарет. Вытряхивает одну и прикуривает ее прежде, чем продолжить:

– В ту ночь было очень темно. Луну заслоняли плотные облака. Мы не увидели никаких огней. Даже ничего не услышали. Это было жутковато. Такая зловещая тишина.

Я снова вздрагиваю, представляя себе эту картину. Здесь, на суше, в дневное время бывает так тихо, что услышишь, как падает капля. Но байу никогда не бывает тихим по ночам. Какофония звуков от насекомых, лягушек, сов и ревущих аллигаторов. Иногда так шумно, что ты не можешь заснуть даже в доме, со всеми закрытыми окнами и жужжащим кондиционером.

– У нас было немного пива, мы его выпили. Но Ева запаниковала и захотела домой. А Кейс решил играть в салки с фонариком. – Харт делает паузу, глубоко затягивается, выпускает дым и стряхивает пепел за борт лодки. – Но никто не хотел играть, нас это больше не увлекало. Кейс был злой, захмелевший. Ты же знаешь, каким он бывает. Он не хотел идти домой.

У Кейса самые красивые волосы, какие я когда-либо видела, глубокого темно-рыжего цвета. И характер под стать им. Большую часть времени с ним все нормально, но он мо-

жет стать агрессивным, как водяной щитомордник, когда выпьет. У них с Элорой отношения с тех пор, как нам исполнилось двенадцать лет. Она время от времени встречается и с другими парнями, но у нее никогда не было настоящего бойфренда, кроме Кейса. «Не то, чтобы это любовь, – сказала мне Элора однажды. – Не то, чтобы с прицелом на будущее. Просто поразвлечься».

Харт докуривает и гасит сигарету.

– Ну мы и согласились. Играли у протоки Лайл. Потом настала очередь Мэки водить, и он очень быстро всех нашел. Всех, кроме Элоры.

– Что вы делали? – спрашиваю я.

– Кричали, что все закончилось и она может выходить. Но Элора не появилась. Мы решили, что она не могла уйти далеко, поэтому стали ее искать. – Харт проводит рукой по своим влажным от пота кудрям. – Неожиданно, буквально ни с того ни с сего начался шторм. Однако мы все равно остались. Искали несколько часов под чертовым ливнем.

Мне становится плохо при воспоминании о видении, в котором я увидела Элору, когда небо раскалывается и обрушивается ливень. Точь-в-точь как описывает Харт.

– Я оставил остальных искать у протоки, где Элора исчезла. Пришел домой и вывез квадроцикл. Ездил везде, где только можно. Проехал даже до острова Келлера. Вымок до нитки, вымазался в грязи и весь был покусан мошкаррой.

– Нет. – Я качаю головой и подавляю поднимающуюся во

мне панику. – Элора туда не пошла бы. Она боится того места.

Все мы его боимся. Элора ни за что туда не отправилась бы. Тем более в темноте. Тем более одна.

Ни в коем случае.

Только не на остров Келлера.

– Я знаю, – кивает он, – но, Грейси, куда-то же она должна была пойти!

Я крепче прижимаю колени к груди, вспоминая, как раньше Харт высмеивал нас с Элорой. Дразнил, что за нами придет Демпси Фонтено. Он опять вытряхивает из пачки сигарету и закуривает, затягивается и медленно выдыхает, а потом продолжает:

– После полуночи, когда все вернулись с лотереи, мужчины отправились искать Элору. Аэролодки и охотничьи собаки, мотовездеходы, поисковые прожектора. Кричали ее имя до самого утра, пока не охрипли. И абсолютно ничего. Ни одного чертова признака.

Он задирает край своей футболки, чтобы промокнуть вспотевший лоб, но толку от этого мало. Майка уже насквозь мокрая. Я плавлюсь в шортах и шлепанцах, не представляю, каково Харту в джинсах и ботинках. Он никогда не носит шорты, только когда мы плаваем.

– Вот такая история, – вздыхает он. – На следующий день рано утром Лео позвонил шерифу. Очень скоро полиция прочесала на лодках всю реку. Поисковые группы обшари-

вали байу. Двести волонтеров прочесали дюйм за дюймом то место, где Элора пропала. Точно, как по телевизору. – Харт опять подносит к губам сигарету. Затягивается, задерживает дым, а потом выпускает его. – Бесполезно.

Взгляд Харта устремлен куда-то вдаль, поэтому я пользуюсь случаем не торопясь рассмотреть его. Рассмотреть по-настоящему: его темные спутанные кудри, загорелую кожу, острые скулы, выгоревшие джинсы и старую серую футболку, туго обтягивающую широкие плечи.

В Харте есть то, что Лапочка называет харизмой, а под ней она понимает сексуальную привлекательность. И она не ошибается. Харт такой даже сейчас, когда на нем отразилась тяжесть последних нескольких месяцев.

Раньше, когда мы были младше, я думала, что мы можем стать больше чем просто друзьями. Харт даже поцеловал меня однажды, когда нам было тринадцать лет. Элора так об этом и не узнала, но она бы точно разозлилась. Это – наш единственный секрет от нее. Наш поцелуй ни к чему не привел, но порой я борюсь с желанием протянуть руку и зарыться пальцами в его прекрасные кудри.

И я чертовски отчаянно борюсь с этим сейчас. Я хочу этого так отчаянно, что ощущаю зуд в руках.

– Ты ее чувствуешь? – спрашиваю я.

Харт проводит рукой по щетине, затем делает еще одну затяжку. Только на сей раз его рука дрожит. Так сильно, что я беспокоюсь, что он может уронить сигарету на колени и

обжечься.

— Да. — Следует долгий, наполненный дымом выдох. — Я чувствую ее все время, Грейси. В том-то и дело. Я чувствую ее каждую минуту каждого проклятого дня.

— Что именно ты чувствуешь?

— Страх, — отвечает он. — Ничего, кроме страха.

— Я тоже ее ощущаю.

Неожиданно Харт роняет сигарету, и она приземляется ему на колени, как я и предполагала. Но не обжигает его.

— Господи, — бормочет он и скидывает сигарету на дно лодки, затапывая каблуком ботинка. — Боже мой, Грейси...

Я не собиралась рассказывать Харту о странных видениях, которые у меня возникают. У меня никогда не было дара. И я не хотела его иметь.

Я не хочу этого и сейчас.

— Что ты чувствуешь? — спрашивает он.

— То, что ты сказал. Ничего, кроме страха.

* * *

Беги и прячься.

Прячься, беги.

Я сосчитаю до десяти.

Пригнись и молись.

Я найду все равно.

Я найду и убью.

Я злодей Фонтено.

Мы с Хартом подскакиваем от неожиданности, когда раздается громкий рев парохода. Сегодня последняя суббота мая, нас ожидает трехдневный уикенд¹⁰. Идеальная погода. Жарко, но не удушающе, как будет в следующие несколько недель. Местные должны заработать сегодня хорошие деньги.

Помимо управления магазином «Мистическая Роза» и гаданий, Лапочка часто действует как агент других эзотериков и ясновидцев города. За комиссионное вознаграждение, конечно. Туристы-однодневки сходят с пароходика и сразу направляются в ее магазин, намереваясь купить бутылку холодной воды и, может, открытку. Лапочка предлагает им услуги прорицателей: гадания на любовь, очистка энергии, общение с умершими питомцами. Все что угодно! Возникает толкотня, поэтому я знаю, что она рада во время горячего сезона моей помощи.

На другом конце пруда Уилли Нельсон выполз из жидкой грязи и греется на солнышке в высокой траве, словно ему абсолютно плевать на туристов. Как и на их деньги. Мне кажется, что Харт наблюдает за аллигатором с некой завистью.

¹⁰ Последний понедельник мая в США – День поминовения, посвященный памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах.

Он трет мыском ботинка ржавое пятно на корпусе лодки, а затем поворачивается и смотрит на меня.

– Объясни мне, что с тобой происходит, Грейси? – В голосе его слышится настороженность, и беспокойство отражается в его ореховых глазах. И теперь я сожалею, что вообще упомянула об этом.

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Ничего.

– Сны? – уточняет он, но я качаю головой.

– Нет, я плохо сплю.

– Тогда... как... это проявляется? Какие-то видения?

– Не совсем. Это просто... вспышки. Понимаешь? – Это звучит дико. Или, по крайней мере, звучало бы так в Литл-Роке. А в Ла-Кашетте это считается нормальным разговором. – Словно я вижу фрагменты той ночи, вижу то, что видела она. Думаю то, что думала Элора, и чувствую ее эмоции. Но я ничего не понимаю, все перемешано и беспорядочно.

Харт выковыривает грязь из-под ногтей, локти покоятся на коленях.

– Но эти вспышки... Ты полагаешь, они относятся к Элоре?

– Да.

– Что ты видишь? Конкретно? – Его голос спокоен. Но я на это не ведусь. – Или чувствуешь? – Челюсти Харта крепко сжаты, на скулах заиграли желваки.

Он явно боится. Меня. Того, что я знаю. Того, что собираюсь ему сказать. А я не хочу такой власти. Никогда не хотела.

Только не над Хартом.

Да и не над кем другим.

– Я не уверена, – признаюсь я. – Темнота. И вода. Буря. Внезапный дождь. – Следующую фразу я заставляю себя произнести. – По-моему, Элора от кого-то убегает. – Я слышу, как Харт резко втягивает в себя воздух, и ненавижу себя за то, что это из-за меня. – Я просто чувствую тот самый страх, про который ты сказал. Ужасный страх, от которого задыхаешься.

Харт берет меня за руку. Пальцы Харта жесткие и мозолистые.

– Да, – кивает он. – Мне тоже.

– Но я все равно надеюсь, что Элора жива.

– Грейси...

– Нет, послушай! Во всех этих видениях, или вспышках, или как их там, она всегда жива. Элора испугана, дезориентирована, возможно, ранена. Но она всегда жива! Я не вижу, чтобы Элора... – Я не могу выговорить это слово, но Харт заканчивает за меня:

– Ты никогда не видишь, чтобы она умирала.

Сверху, с дощатой дорожки, доносятся голоса и шаги, и мы с Хартом отстраняемся друг от друга. Он отпускает мою руку, а я вытираю потную ладонь о шорты. Это могут быть туристы, разыскивающие Уилли Нельсона.

Однако это не туристы.

Это остальные Летние Дети, они нашли нас и спускаются

по приставной лестнице один за другим, как цирковые акробаты из-под купола.

Серафина.

Лисандр.

Мэки.

Евангелина.

Они смеются и говорят одновременно. И на мгновение мне кажется, что я чужая. Затем Мэки берет меня за руки и поднимает, Сера обнимает и признается, как сильно по мне скучала, а Сандр приветливо улыбается. Я замечаю босую Еву, которая не знает, куда себя деть. Все как раньше.

Ощущение чужеродности исчезает, и становится ясно, что я именно там, где мне и место. Только очень хочется, чтобы и Элора была здесь. Я остро ощущаю ее отсутствие.

Но затем на задворках моего сознания возникает голос, который напоминает, что даже если бы она была здесь, то не стала бы говорить со мной. Она просто сидела бы здесь, на леерном ограждении, с ненавистью глядя в мою сторону. Или, может быть, опять рассмеялась бы мне в лицо. Велела бы идти к черту.

Наша размолвка произошла не в ту последнюю ночь. Отношения между нами портились на протяжении всего прошлого лета. И это моя вина, теперь я это понимаю.

Мэки обнимает меня за плечи и широко улыбается.

– Хорошо, что ты дома, Грей, – произносит он. – Мы все вместе.

Остальные согласно кивают, и мы рассказываемся на наши привычные места. Ева угощает всех засохшей жвачкой. Очередной долгий и ленивый летний день, который мог бы таким быть.

Если бы не одно «но». Когда я перевожу взгляд на Харта, он снова смотрит вдаль, на Уилли Нельсона, словно хочет присоединиться к нему в пруду. Харт выглядит потерянным.

Опустошенным.

И я эхом ощущаю его опустошенность в душе.

Но это неправда. Мы не все вместе. Мы не вместе с тех пор, как нам минуло четыре года, после того, что случилось с Эмбер и Орли. Без них мы не в полном составе.

А теперь не хватает и Элоры.

Ева задает мне какие-то вопросы о школе. Несколько минут мы болтаем о моих занятиях. Мэки спрашивает о спортивном семестре, и я отвечаю, что впервые участвовала в кроссе по пересеченной местности. Он ворчит о том, как не хватает бегунов в команде по кроссу.

Мэки, Кейс и Элора – все ходят в школу, которая находится выше по реке, в Кинтере, они ездят туда на специальном школьном пароходике. Ева, Харт и близнецы Сера и Сандр обучаются на дому.

Здесь нет мобильной связи. Нет интернета. Лето всегда начинается для меня с краткого перечисления новостей. Время от времени Мэки может послать мне сообщение по электронной почте из школы в Кинтере. Или Элора может

позвонить оттуда из телефонной будки. Моя жизнь в Литл-Роке и моя жизнь в Ла-Кашетте – две совершенно различные вселенные.

Когда я нахожусь здесь, есть ощущение, что моих друзей и моего мира там, в Арканзасе, не существует. Хотя в обратную сторону это не работает. Даже если я в Литл-Роке бегу кросс, иду в торговый центр или сижу на уроках, я всегда думаю о Ла-Кашетте. Словно я никогда по-настоящему не покидаю байу. Словно частичка меня остается там. А когда в начале каждого лета я возвращаюсь сюда, все здесь остается неизменным. Будто время здесь остановилось.

– Все это полная фигня. – Пустая болтовня прекращается, и все переводят взгляд на Серу, которая смотрит на нас вызывающе. – Мы что, не собираемся о ней говорить? – Сера бросает на Сандра взгляд: «Ты можешь в это поверить?»

Серафина и Лисандр – близнецы, родившиеся в конце мая. Местные жители называют их «Созвездие близнецов». Они талантливые художники и умнее нас остальных, вместе взятых. Я уже и не помню, на скольких языках говорит Сера. Может, на пяти? Сандр вообще не говорит – никогда не говорил, – однако у него множество других способов общения.

Близнецы родом из старой креольской семьи. Их дом находится на пруду Боуман, примерно в десяти минутах езды на аэроглиссере. Их мать Дельфина – они называют ее «маман» – изготавливает амулеты на удачу и приворотные зелья, которые продает с маленького карточного столика на при-

чале. Туристы в них верят. Дельфина рассказывает им, что свои чары она получила по наследству от прапрапрабабки, та была знаменитой новоорлеанской королевой вуду, подружкой Мари Лаво¹¹.

Может, это правда. А может, и нет.

Сера сплевывает свою жвачку в воду. У нее длинные, песочного цвета волосы с медными прядками, заплетенные в косу длиной до пояса. Чем больше Сера сердится, тем сильнее коса раскачивается при разговоре. Сейчас она ходит ходуном.

– Мы собираемся сидеть тут целый день, не произнося ее имя? – требовательно спрашивает она. – Замалчивание делу не поможет.

– Не злись, Сера, – успокаивает Мэки. Он коротышка, чуть выше меня. Темная кожа, мягкие карие глаза и непринужденная улыбка. Мэки не выносит, когда кто-нибудь расстроен. – Мы можем поговорить о ней. – Он оборачивается ко мне. – Мы говорим о ней постоянно, Грей.

– Что толку? – В голосе Харта звучит нотка, которую я никогда не слышала. – Мы обсуждали ту ночь миллион раз.

Однако Сера не отступает, она никогда этого не делает.

– С Грей мы это не обсуждали.

Ева прикусывает губу и смотрит на Харта.

– У Грей нет дара, – замечает она. Потом смущается: – Извини, Грей. Ты знаешь, что я имею в виду. Просто... – Ева

¹¹ Верховная жрица луизианского вуду в Новом Орлеане XIX века.

пожимает плечами. – Ведь нет, верно?

Я чувствую на себе взгляд Харта и остальных.

– Грей заслуживает того, чтобы услышать, как мы громко произносим имя Элоры, – произносит Сера. – Это – знак уважения. В конце концов, Элора была ее родственной душой.

Ее «была» не ускользает от моего внимания.

Вначале было три пары близнецов. Серафина и Лисандр. Эмбер и Орли. Я и Элора.

Мы родились в разных семьях, но в один и тот же день и в один и тот же час. Почти в одну и ту же минуту. Есть легенда, которая гласила, что первоначально человек имел два лица, четыре руки и четыре ноги. Однако бог боялся, что его превзойдут в силе, поэтому расколол их пополам. Вот почему у всех нас где-то в мире есть родственная душа. Полагают, что в тот момент, когда ты встречаешь родственную душу, земля под ногами начинает плыть. Здесь живет лишь одна повивальная бабка, которая принимает всех новорожденных младенцев, поэтому наши мамы рожали вместе в большой спальне Лапочки на втором этаже. Они положили нас с Элорой бок о бок в одной и той же колыбельке. И я думаю, что вот именно в тот момент земля поплыла для нас обеих – когда нам было по нескольку минут.

– Давай говори, Мэки, – просит Сера. – Сообщи Грей то, что ты рассказывал всем нам. Она сильная, выдержит.

Харт встает и уходит в переднюю часть лодки, повернув-

шись спиной к нам, поставив одну ногу на ржавое леерное ограждение. Затем достает пачку сигарет и опять закуривает.

Мэки смотрит на него несколько секунд, потом сглатывает и поворачивается в мою сторону. И я точно знаю, что он собирается сказать.

– Я получил предупреждение о смерти. В ту ночь. Насчет Элоры.

Услышать, как он произносит это вслух, все равно что получить удар под дых. История семьи Мэки уходит корнями в далекое прошлое этих мест. Более далекое, чем чья-либо еще. Кашетт – французское слово. Оно означает «убежище». До Гражданской войны эта земля была убежищем для темнокожих рабов, убежавших от своих рабовладельцев.

Предки Мэки были первыми переселенцами. Они столкнулись с ядовитыми змеями и москитами, с колючими, раздражающими кожу кустарниками и болотами, но они были свободны, поэтому сделали это негостеприимное место своим домом. И, по словам Мэки, его предки, все до одного, обладали способностью чувствовать, когда смерть готова постучаться в дверь.

Мэки хмурится и проводит рукой по почти лысой голове, он называет свою прическу «летней стрижкой», она чуть-чуть короче той, которую парень носит в остальное время года.

– Мы играли в салки с фонариком, – продолжает он. – Ева водила, она произнесла ту считалку. Про Демпси Фонтено.

Ты ее знаешь.

Да, я ее знаю. У меня начинается легкое головокружение, когда я вспоминаю, что она пришла мне на ум ранее. Как я почувствовала страх Элоры.

– Была непроглядная темнота, но вскоре Элора спряталась за дерево рядом со мной. И тут я это ощутил.

– Ты ей сказал? – спрашиваю я.

– Да. Я должен был это сделать. Однако она лишь посмеялась.

Я представляю Элору, хохочущую в лицо тьме. Она была такой.

Харт делает последнюю затяжку и швыряет окурок в темный пруд. Я вижу, как напряжены мышцы на его шее.

Ева тоже наблюдает за ним. Я похлопываю по пустому сиденью рядом со мной, и она садится на освобожденное Хартом место. Ева всегда выглядела моложе своих лет; и, несмотря на то, что она за этот год вытянулась, мы все равно воспринимаем ее как ребенка. Нашего общего ребенка, младшую сестренку. Я обнимаю ее, и она кладет голову мне на плечо. От Евы пахнет жимолостью, меня успокаивает ее запах, когда я вдыхаю эту летнюю сладость.

– Вода, утопление – это я почувствовал той ночью. Смерть в воде, – бормочет Мэки. Я перевожу взгляд на Харта, но он по-прежнему стоит спиной ко мне. К нам. – Элора была такой красивой, понимаете? – Голос Мэки срывается. – Еще одна галочка напротив слова «была». – Мне невыносимо ду-

мать, что она погибла вот так. В воде.

Сандр откидывает волосы с лица – мягкие волны песочного цвета с медными прядями, точь-в-точь, как у его сестры, а потом обнимает Мэки за плечи.

– Элора не погибла в воде. – Харт выглядит обессиленным. – Поисковые команды тщательно прочесали байу. Реку тоже. Они бы что-нибудь нашли.

– Да, – кивает Мэки. – Конечно, Харт, ты, вероятно, прав. Иногда я ошибаюсь.

Но не очень часто.

– Эмбер и Орли нашли в воде. – Я слышу свой голос словно со стороны. Все поворачиваются и смотрят на меня. Все, кроме Харта. Мы не слишком часто произносим эти имена вслух. Местные не любят говорить о том, что случилось тринадцать лет назад. Маленькие девочки-близняшки пропали с дощатого настила однажды рано утром, как раз в это время года. Буквально у всех на глазах. – Их нашли плывущими вниз лицом позади дома Демпси Фонтено, – продолжаю я. – У острова Келлера.

Острова Киллера¹².

– Демпси Фонтено давно нет, – замечает Мэки. – Он не имеет никакого отношения к тому, что случилось с Элорой.

Это правда; ведь его так и не нашли. Он сбежал, но о нем не забыли. Когда мы были детьми, Демпси Фонтено был той причиной, почему мы избегали темного леса. Из-за него мы

¹² От *англ.* Killer – убийца.

с Элорой ночью пробежали расстояние от ее дома до дома Лапочки вместо того, чтобы идти пешком. Демпси Фонтено был героем каждой страшилки, рассказанной у костра или шепотом поведенной на девичнике. Не имело значения, что никто и никогда его больше не видел и не слышал. Для восьмерых Летних Детей, оставшихся в живых, Демпси Фонтено оставался жителем Ла-Кашетта, который по ночам бродил по дощатым дорожкам.

– А если ты неправ, Мэки? – спрашивает Сера, и на мгновение у меня перехватывает дыхание. – А если он все-таки имеет какое-то отношение к Элоре?

Я вспоминаю слова Харта о том, как он вернулся на остров Келлера в ту ночь в поисках Элоры. Вероятно, он боялся, что найдет ее плывущей лицом вниз в застойной заводи, позади от руин сгоревшей хижины Демпси Фонтено.

Наверное, он тоже подумал, что это возможно.

Мы смотрим друг на друга, и Сера задает вопрос, который беспокоит каждого из нас:

– А если он вернулся?

Харт поворачивается к нам, и я жду, что он станет нас разубеждать, говорить, что мы несем чушь. Как он обычно это делал, когда мы были детьми.

Но Харт молчит.

Позади него, на противоположном конце пруда Уилли Нельсон уходит в воду. Бесшумный. Древний. Опасный хищник, приближения которого ты никогда не заметишь.

– Что если он *не* вернулся? – говорю я. Мой голосок тонкий, как струна; Ева прижимается ко мне, ее пробирает дрожь, несмотря на сильную жару. – Что если он никогда не уходил?

* * *

Дождь хлещет по моей коже словно тысяча крохотных иголок.

Болото засасывает меня.

Если я немедленно отсюда не выберусь, именно здесь найдут мое тело.

Я воспользовалась их молчанием – все захвачены врасплох, – чтобы воскресить в памяти то отрывочное и мимолетное видение с образом Элоры.

Тот хлещущий дождь.

И болото.

Стараюсь сосредоточиться на том, отчего она убегает. На том, чего или кого Элора боится. Мог ли действительно это быть Демпси Фонтено, давно исчезнувший демон нашего детства?

Но у меня ничего не получается. Не удастся увидеть лицо Элоры, не говоря уже о лице того, кто гонится за ней сквозь ненастье.

Если я неожиданно стала экстрасенсом, то весьма посредственным.

Сера поворачивается к Сандру и что-то шепчет ему покреольски. Мне любопытно, что она сказала, но я плохо знаю этот язык. За все годы я научилась у близнецов лишь паре-тройке слов, в основном ругательств. Ева немного говорит по-французски, а Кейс говорит на каджунском диалекте, но это все другое.

И вот тогда я понимаю, что Кейса с нами нет.

– А где Кейс? – спрашиваю я, и всех резко заинтересовали иглы кипариса на дне лодки. Ева отстраняется от меня и

опять смотрит на Харта, прикусив губу и наматывая на палец платиновые волосы.

– Он здесь, – отвечает Мэки. – Просто в последнее время мы редко его видим.

– Почему? – удивляюсь я, и все переглядываются.

– Кейс не хочет приходить, когда я здесь. – Руки Харта скрещены на груди, а под кожей проступают похожие на вены синие вены. – Мы с ним сцепились недавно.

В этом нет ничего странного. Харт и Кейс порой цапаются друг с другом, как собаки, дерущиеся за территорию. Впрочем, их перепалки никогда не длятся долго, и вскоре они мирятся.

Объясняет ситуацию Сера:

– Харт считает, будто Кейс навредил Элоре.

– Нет, – возражаю я. – Он вспыльчивый парень, мы все это знаем. Но он не стал бы вредить Элоре, Кейс по уши в нее влюблен. Еще с тех пор, когда мы были детьми. – Я смотрю на Харта, но не могу понять ход его мыслей. Он отсранился, словно выключил свет и задернул шторы. – Кейс любит Элору.

Мэки берет меня за руку.

– Мы все любили Элору, Грей.

Никто его не поправляет.

Мы все *любим* Элору.

С дорожки до нас доносятся голоса туристов, и словно лопается пузырь, в котором мы находились. Сера поднимается

с места.

– Нам надо идти, – говорит она, и Сандр тоже встает. – Пора немного подзаработать.

– Мне тоже, – кивает Мэки, который кажется радостным, потому что появился повод сбежать.

В выходные Мэки с братьями за деньги катают туристов на аэроглизсерах. Они называют эти рейсы «Фотосафари на болоте». Способность видеть приближающуюся смерть не является тем талантом, который люди ценят и за который платят.

Трое подростков прощаются с остальными, Мэки обнимает меня. Потом они торопливо поднимаются по приставной лестнице и удаляются по дощатому настилу. Ева смотрит то на меня, то на Харта, она тоже встает, но не идет за остальными.

– Я могла бы задержаться, – произносит она с надеждой в голосе. – Я имею в виду, если вам, ребята, нужна компания.

– Нет, иди, – отвечаю я. – Мне все равно нужно вернуться и немного побыть с Лапочкой.

Харт кивает.

– Мне надо на работу.

Порой он болтается на причале в Кинтере, где подрабатывает, помогая рабочим разгружать грузы, каторжный труд, но никто там ему не докучает. И платят ему наличными. Харт зарабатывает ровно столько денег, чтобы хватало на сигареты.

Но он не спешит к лестнице.

И я тоже.

Ева медлит еще несколько секунд, перенося вес с одной длинной ноги на другую, словно фламинго.

Наконец она говорит:

– Ладно. Увидимся позднее, Грей. – Мы обнимаемся, и Ева поворачивается к Харту. – Пока, Харт, – произносит она, и я чувствую легкий укол ревности, когда он ей улыбается.

Ева с самого своего рождения готова была целовать землю, по которой ходил Харт. Но в этом году появилось нечто новое в том, как она произносит его имя. Она как-то по-другому смотрит на его лицо, фигуру, ее взгляд задерживается на долю секунды дольше, чем нужно.

Наверное, Ева действительно выросла.

Когда она уходит, Харт глубоко вздыхает, затем прислоняется к свае дощатого настила.

– Ева к тебе неровно дышит, – замечаю я.

– Да, – кивает он. – Знаю. – Конечно, Харт знает. Интересно, каково это – ощущать, что чье-то сердце при взгляде на тебя бьется быстрее. – Я помог ей кое с чем, только и всего. Ева – милашка, но она еще ребенок.

– Ты действительно думаешь, что Кейс мог что-то сделать с Элорой?

– Не я один так думаю. Шериф допрашивал Кейса раз десять и следователи из полиции штата. Официально они не объявляли его подозреваемым, но было совершенно ясно,

что они рассматривали такую возможность. Вероятно, и до сих пор рассматривают.

– Ты правда думаешь, что это мог быть он? – У меня это в голове не укладывается, ведь Кейс – один из нас.

– Не знаю, – пожимает плечами Харт. – Он был там в ту ночь. Если Элора сильно разозлила его... Или если у него возникла какая-то причина ревновать...

Кейс – очень ревнивый, это не секрет. Но он никогда прежде не обижал Элору или кого-либо еще. Мог выместить свою злость на стене дома. Однажды на вечеринке в Кинтере проколол шины одному парню. Вот, пожалуй, и все.

– Вряд ли Кейс способен на что-то подобное, – произношу я. – Только не Кейс.

Не по отношению к Элоре.

– Я много раз видел людей, совершавших плохие поступки, про которых я такое никогда бы не подумал. – Харт тянется за новой сигаретой, но они закончились. Он раздраженно рычит, сминает в кулаке пустую пачку и бросает на дно лодки. – Я не думал, что мама снесет голову моему отцу у нас в кухне. – От боли в его голосе и от ужаса этой фразы я стискиваю зубы.

Нам было пять лет, когда Харт постучался в окно моей спальни посреди ночи. С вытаращенными глазами и белым, как у призрака, лицом. Я помню, как открыла окно, чтобы Харт мог влезть в него. Мы вместе свернулись клубочком в моей кровати, под толстым стеганым одеялом Лапочки.

Его отец умер. Кровь и мозги были размазаны по всей стене.

Отец Харта был отвратительным человеком, и все это знали. Это была самозащита. Мать Элоры умерла от рака, когда мы были малышами, поэтому, когда Бекки год спустя вышла замуж за Лео, Харт и Элора стали сводными братом и сестрой, и все согласились, что из ужасной ситуации получилось что-то хорошее.

Харт, однако, так и не оправился после той ночи. Я не представляю, как вообще можно оправиться. Харт не просто видел это своими глазами, он это чувствовал. Произошедшее впиталось в его душу, как обои впитывают кровь.

Пятно так и осталось.

– Что насчет Демпси Фонтено? – спрашиваю я. – Как ты думаешь...

– Полная чушь! В ту ночь я был на острове Келлера. – Он кладет руку мне на плечо. – Тебе незачем бояться Демпси Фонтено, Грейси. Не пугай себя понапрасну.

Уже поздно, мне нужно к Лапочке.

– Мне надо идти, – говорю я. – Правда.

Харт берет меня за руку и помогает взобраться по лестнице, затем поднимается за мной.

Мы вместе шагаем к «Мистической Розе», уворачиваясь по дороге от туристов. Я замечаю, что табличка на дверях мисс Кассиопеи перевернута стороной «ЗАКРЫТО», и задаюсь вопросом, работала ли она последние три месяца. На-

верное, никто не хочет получать предсказания от ясновидящей, которая даже не может отыскать свою пропавшую падчерицу.

Когда мы останавливаемся перед книжным магазином, чтобы попрощаться, Харт выуживает что-то из кармана джинсов, потом берет мою руку и вкладывает это мне в ладонь. Я разжимаю пальцы и вижу кулон. Часть комплекта, который я подарила Элоре в прошлом году в честь нашего золотого дня рождения. Шестнадцать лет шестнадцатого числа. Изящная серебряная цепочка с одной голубой жемчужиной.

Жемчужина – камень, который носят люди, родившиеся в один месяц с нами. Голубая потому, что обычные белые казались Элоре слишком простыми.

Это – одно из немногих хороших воспоминаний из прошлого лета. Помню, как Элора восхищенно охнула, открыв коробочку. «Грей!» – радостно воскликнула она.

– Я хотел найти кольцо, которое было в комплекте с кулоном, – объясняет Харт. – Я все перерыл, но нигде его не нашел. – Он усмехается. – Ты же знаешь, какой у нее в комнате кавардак. – Потом его лицо вновь делается серьезным. – Вероятно, оно было на ней в ту ночь, Элора никогда его не снимала.

Даже после того, что произошло между нами в конце лета. Я надеюсь, что это что-нибудь значит.

Я качаю головой:

– Не нужно.

– Возьми его, пожалуйста, Грейси. – Харт поднимает пальцем мой подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза, и у меня не получается избежать его взгляда. – Ради меня.

Господи, как я могу отказаться?

– Это же ее кулон. – Я чувствую, как к глазам у меня подступают слезы, но будь я проклята, если начну плакать. Только не на глазах у глупых туристов, топчущихся вокруг.

– Элора хотела бы, чтобы ты его взяла. То, что у вас было... есть... эта связь... – Теперь Харт ощущает комок в горле. – Вы двое были... – Он замолкает, опуская взгляд на свои ботинки.

– Зажжены от одной спички. – И Харт опять поднимает голову. – Так говорила Лапочка о нас с Элорой. Что мы были двумя огоньками, зажженными от одной спички. – Я напомнила эти слова Элоре, когда дарила ей кольцо и кулон прошлым летом. Наши очень личные волшебные слова.

Мы с Хартом внимательно смотрим друг на друга. Я позволяю ему застегнуть цепочку на моей шее, а он улыбается, прежде чем повернуться и уйти.

– Увидимся, Печенька, – вот все, что он говорит. Но его пальцы, касающиеся моей кожи, и низкий тембр голоса напоминают мне, что я всю жизнь была на грани того, чтобы втрескаться в Харта. Я все больше и больше влюбляюсь.

Я смотрю ему вслед; легкий ветерок ласкает мое лицо; слышится музыкальный смех китайских колокольчиков. Ко-

гда я смотрю в сторону маленького домика, в котором с мамой и дядей Виктором живет Ева, то вижу прямо над ее окном самодельные колокольчики, цветные кусочки стекла и металла, нанизанные вручную. Мелькание платиновых волос из-за бледно-голубых занавесок дает мне знать, что Ева подсматривала за мной.

Подсматривала за нами.

И мне становится жаль ее.

Если наша малютка Ева запала на Харта, она явно идет не в том направлении. Харт – самый замкнутый человек, которого я знаю. Он никогда ни с кем не встречался, и как бы усердно я ни пыталась, не могу представить, чтобы он когда-нибудь влюбился в девушку. Если это и произойдет, то это точно будет не застенчивая и нервная Ева.

И определенно не я.

* * *

Я поворачиваюсь и бегу так, словно знаю, куда бежать. Хотя это не так. Я бегу так, словно мне есть, куда бежать. Хотя я знаю, что некуда.

Внутри «Мистической Розы» Лапочка показывает двум девушкам, немногим старше меня, коллекцию красно-коричневых сердоликовых камней, которые, предположительно, усиливают чувственность и подхлестывают страсть.

– Вот этот маленький красавчик, – говорит она, выставя напоказ самый темный камень, – гарантированно не даст огню погаснуть. – Лапочка подмигивает той девушке, что повыше ростом. – Если вы понимаете, о чем я.

Тихонько хихикая и склонив головы друг к другу, девушки осматривают камни и проводят отбор. Они общаются на тайном языке лучших подруг. Легонько подталкивая друг друга локтями и приподнимая брови, они прячут смущенные улыбки. Наблюдать за ними все равно, что сыпать соль на рану.

Я направляюсь в заднюю часть дома, в свою крохотную спальню рядом с кухней и нахожу там Сахарка, старую таксу Лапочки, который спит на моей кровати. Я ложусь рядом с ним и чешу ему пузо. Он не слышит на одно ухо, плешиный и периодически пускает газы. Лапочка говорит, что он напоминает ей третьего мужа Элдона, который умер, но не исчез полностью из ее жизни.

Я обвожу взглядом знакомую комнату – все вещи на тех же местах, где я оставила их в прошлом августе, – но мои гла-

за постоянно возвращаются к фотографии в рамке, что стоит на прикроватной тумбочке. На ней – мы с Элорой на вечеринке по случаю нашего десятого дня рождения держимся за руки, обе загорелые и счастливые, наклоняемся над украшенным розовой глазурью тортом. Глаза крепко зажмурены. мы готовимся задуть свечи. На фото изображен тот самый момент, когда мы загадываем желание.

До нашего дня рождения всего несколько недель, и уже сама мысль, что мне исполнится семнадцать, давит тяжелым грузом. Я закрываю глаза и нащупываю маленькую голубую жемчужину, висящую у меня на шее, а затем изо всех сил стараюсь вызвать в голове видения. Одну из тех ужасающих вспышек. Быть может, я смогу найти какую-то путеводную ниточку...

Но ничего такого не происходит. По крайней мере, поначалу.

А вскоре возникает образ, всего на мгновение.

Элора бежит...

Я бегу сломя голову.

Дождь.

Воющий ветер.

Лунный свет на темных волосах.

Внутри меня все сжимается, и я чувствую тошноту. Наверное, меня сейчас вырвет. Я втягиваю воздух, открываю глаза и вижу, что Лапочка стоит в дверях и смотрит на меня, потом подходит, садится на край кровати и гладит меня по

голове.

– Не каждый сразу рождается со своим даром, – произносит она. – Некоторым людям приходится развивать его постепенно.

– Это был просто сон, – лгу я. – Я на минутку заснула. Только и всего.

Лапочка продолжает:

– Твоя мать долго пыталась принять себя... свои способности... но ее жизнь оборвалась. А она была намного старше тебя.

Моя мать покончила с собой. Но Лапочка никогда не произносит этих слов. Мне было восемь лет, когда она это сделала, я помню, как просила Лапочку поговорить с маминым духом от моего имени, выяснить, почему она это совершила. Но Лапочка утверждает, что мертвые разборчивы в общении, им положено самим выбирать, с кем контактировать, если они вообще пожелают это сделать. И моя мать никогда не устанавливала контакт с Лапочкой с той стороны.

Она не устанавливала контакт и со мной.

С тех пор, как моя мать умерла, или перешла в мир иной, я провожу учебный год в Арканзасе с отцом, а летние месяцы – здесь, с Лапочкой.

Есть одна вещь, о которой мы с Элорой постоянно говорили прошлым летом. Она не могла дождаться, когда ей исполнится восемнадцать лет и она уберется отсюда к чертям. А я не могла дождаться своего восемнадцатилетия, чтобы нако-

нец вернуться домой. Насовсем. Я представляла, как стану помогать Лапочке в магазине, а потом буду сама заправлять им. Когда-нибудь.

Лапочка наблюдает за мной, заправляет мне за ухо прядь выбившихся волос, и я набираюсь смелости задать ей вопрос, который не могла озвучить раньше.

– Он связывался с тобой? – Я слышу страх в своем голосе. – Призрак Элоры? Или дух?

Лапочка усмехается:

– Боже, нет, Сахарная Пчелка. С чего бы вдруг Элоре захотелось общаться со старухой вроде меня? Кроме того, если Элора отошла в мир иной, у нее пока может быть недостаточно энергии для того, чтобы войти с кем-то в контакт. Порой духам требуется время, чтобы собраться с силами. И даже тогда у них могут быть силы только для того, чтобы общаться с одним человеком. Им приходится быть разборчивыми в том, какие каналы открывать. – Лапочка умолкает, а потом добавляет: – Для Элоры имело бы гораздо больше смысла контактировать с кем-то, с кем она была близка при жизни. С кем-то, с кем у нее уже возникала прочная связь.

Я знаю, что она говорит обо мне, но пока не готова поделиться с Лапочкой своими странными видениями.

– Ты знала, что Мэки получил предупреждение о ее смерти? В ту ночь, когда Элора пропала, – спрашиваю я, меня слегка знобит из-за кондиционера. – Смерть в воде.

Лапочка вздыхает и натягивает на меня одеяло.

– Я слышала об этом, – признается она. – Но предупреждение о смерти – это только предупреждение, которое означает, что смерть неподалеку. Это не всегда абсолютная истина.

Я помню старую историю о дяде Мэки. Однажды утром он постучался в парадную дверь Лапочки и передал ее первому мужу, моему деду, предупреждение о смерти, которое пришло ему за завтраком. «Смерть придет снизу», – сказал он им. И действительно, моего деда укусил огромный водяной щитомордник в тот же самый день на охоте. Он едва не умер ночью. Однако настало утро, а он все еще был жив. В результате потерял большой палец на ноге, но сохранил жизнь. И жил вплоть до сердечного приступа, который случился у него пару лет спустя. И никто его об этом не предупреждал.

Лапочка продолжает гладить меня по волосам. Из-за этого меня клонит в сон, и я с трудом удерживаю глаза открытыми, а старый ночной кошмар потихоньку всплывает на задворках моего сознания.

– Ты помнишь что-нибудь о Демпси Фонтено?

Лапочка поправляет мое одеяло.

– Ну, сказать по правде, я немного о нем знаю. Он жил отшельником далеко отсюда. – Она делает паузу, словно подбирая слова. – У него были странности, ходили слухи... – Лапочка умолкает и опять гладит меня по волосам. – Люди его не очень-то любили, даже до того проишествия.

– Ты не думаешь, что это он добрался до Элоры? – Слова

даются мне с трудом. — Как до Эмбер и Орли?

— Нет, — отвечает Лапочка, а затем долгое время слышится лишь жужжание кондиционера и мягкое сопение спящего возле меня Сахарка. К тому времени, как она добавляет следующую фразу, я нахожусь уже слишком далеко, чтобы ее услышать.

— Не представляю, чтобы бедный Демпси Фонтено вообще до кого-нибудь добрался.

* * *

Он тащит меня, словно рыбу, которую выуживает из пруда, и я со стоном прихожу в себя, борюсь с ним: брыкаюсь, царапаюсь, кусаюсь. Я выплевываю грязные ругательства, но он слишком силен, а у меня, наоборот, почти не осталось сил. Я задыхаюсь, потому что мне не хватает воздуха. Я не в воде, но тоню.

Когда я просыпаюсь, из окон льется уже неяркий свет. Я проспала всю середину дня, это означает, что пропустила обед, поэтому теперь умираю с голоду.

Я слышу, как в кухне Лапочка, готовя ужин, напевает песню «Crazy», которую любит исполнять Пэтси Клайн. Бабушка обещает, что еда скоро будет готова, поэтому я усаживаюсь на ступеньки крыльца.

Половина шестого. Пароходик издает гудок, сообщая о последнем за день рейсе вверх по реке. Туристы отправляются обратно в Кинтер, где рассядутся по своим машинам и поедут на север, в Новый Орлеан, на Бурбон-стрит, где их ждут вечерние развлечения.

На причале, напротив магазина, Сера и Сандр помогают маме складывать в коробки флакончики и амулеты. Они заканчивают загружать все в свою лодку, и Дельфина бредет поболтать с одним из рыбаков, который только что вернулся после трудового дня.

Я машу рукой Сера и Сандру, они обмениваются друг с другом взглядами, затем Сера выуживает что-то из своего рюкзака, и они направляются в мою сторону. Как только я вижу зажатый под мышкой у Серы альбом для рисования, страх сжимает мое горло.

Сера и Сандр – художники-экстрасенсы. Мертвые обща-

ются с ними не хуже, чем с Лапочкой. Только другим способом: близнецы рисуют людей, места, предметы, образы, которые возникают у них в голове.

В выходные они сидят на пристани со своей мамой и за двадцать баксов изобразят вам точное место, где находится ваше потерянное обручальное кольцо, либо идеально точный портрет вашего покойного сына или бабушки – людей, которых Сера и Сандр никогда не видели. Я наблюдала, как люди рыдая прижимают эти рисунки к груди и зачастую доплачивают за услугу.

– Мы хотим тебе кое-что показать, – говорит Сера, когда они поднимаются ко мне по ступенькам. Сандр одаривает меня обнадеживающей улыбкой. – Мы ничего не говорили тебе раньше, потому что Харт еще не знает, да никто не в курсе.

– Ладно, – киваю я, хотя мне не нравится идея держать что-то в секрете. Особенно от Харта.

Сера распахивает альбом, и я с изумлением смотрю на нечто, нарисованное углем.

– Узнаешь это? – спрашивает она.

– Это большой черный сундук из сарая Лапочки.

Я не видела его много лет. Когда мы были маленькими, то играли в фокусника. Харт был чародеем, а Элора – его красивой ассистенткой. Я, задержав дыхание от волнения, забиралась внутрь дорожного сундука, потом Элора накрывала меня одеялом, заставляя исчезнуть. Остальным отводилась

роль захваченной в плен аудитории.

В итоге из нашего поля зрения исчез именно сундук, запиханный в самый дальний угол сарая и покрытый десятилетними слоями хлама и паутины.

А теперь пропала и Элора. А теперь, по волшебству, сундук возвращается в мою жизнь.

– Я не понимаю, что это означает, – продолжает Сера. – Пытаюсь это разгадать с тех пор, как нарисовала, но я уверена, этот сундук имеет какое-то отношение к Элоре.

– Это может означать, что она сбежала, – предполагаю я и чувствую, как во мне пробуждается надежда. – Собрала вещи и ушла. Верно?

Сера и Сандр снова переглядываются друг с другом.

– Не исключено, – отвечает Сера.

– Почему вы не показали рисунок Харту?

– Грей, ты не представляешь, каким подавленным он был. – Сера чуть качает головой, и коса начинает раскачиваться у нее за спиной. – Он чувствует ответственность за произошедшее, словно недоглядел за Элорой в ту ночь. – Сандр кивает в знак согласия. – Мы не хотим, чтобы он волновался, когда...

– Когда вы не можете объяснить, что этот рисунок означает?

– Да.

– Можно я это возьму?

– Конечно, – говорит Сера, вырывает страницу из альбо-

ма и протягивает мне. – Но есть еще кое-что. – Она передает альбом Сандру, и тот перелистывает страницы, пока не находит то, что искал. Потом кладет раскрытый альбом мне на колени. – Сандр нарисовал вот это.

Я вздрагиваю при виде четких карандашных линий.

– Это тоже касается Элоры? – Сандр кивает и проводит пальцами по рисунку.

Страницу заполняет фигура, которая по очертаниям похожа на человека. Все вроде нормально, изображены руки, ноги... Все, кроме лица. Вот оно совсем не нормальное, потому что на том месте, где должны быть рот, глаза и нос, нет ничего. И чем больше я гляжу на эту пустоту, тем сильнее она меня пугает. Я захлопываю альбом.

– Мы тоже не понимаем, что этот рисунок означает, – вздыхает Сера и косится на брата. – Но маман думает, что понимает.

– Что она говорит? – Я отдаю альбом обратно Сера. Не хочу больше его держать.

– Étranger. Незнакомец, чужак. Кто-то, кого мы не знаем.

В маленьких домиках на дощатых настилах в Ла-Кашетте живут человек пятьдесят, и примерно столько же – на близлежащих болотах. Я знаю каждого из них в лицо, и по имени – тоже, а они знают меня. Откуда в Ла-Кашетте чужаки? Только не здесь.

Дельфина кричит что-то на креольском в нашу сторону, близнецы встают, тогда и я поднимаюсь.

– Нам надо идти, – произносит Сера.

– Спасибо, что поделились со мной этим, – говорю я.

Сера внимательно смотрит на меня, а потом спрашивает:

– Ты действительно ее не чувствуешь?

Вопрос меня удивляет, но я не готова рассказать им о тех видениях, которые у меня возникают, поэтому качаю головой. Близнецы глядят на меня одинаковыми глазами янтарного цвета.

– У твоей мамы был мощный дар, – замечает Сера. – Маман считает...

Дельфина опять кричит.

– Asteur! – А это слово я знаю, оно означает «Сейчас же!»

Сера отвечает, что они уже идут, затем Сандр обнимает меня на прощание, а Сера наклоняется ко мне, чтобы прошептать на ухо:

– У тебя непременно должна быть какая-то сила, Грей, ты должна это чувствовать.

Затем близнецы спешат на причал и садятся в лодку. Я остаюсь, бездумно пялясь на рисунок в моей руке и размышляя, что имела в виду Сера. Насчет моей матери. И насчет меня.

Лапочка зовет меня в дом ужинать, поэтому я складываю рисунок и прячу его в задний карман. Она приготовила мое любимое блюдо – рыбу зубатку с «грязным рисом»¹³, а

¹³ Каджунское блюдо, состоящее из белого риса, приготовленного с луком, перцем, куриной печенью и травами.

на десерт – домашнее пралине. Сахарок сидит между нашими стульями, пуская слюни и надеясь, что кто-нибудь что-то уронит. Вкус у еды просто божественный, но я не могу наслаждаться ею, потому что думаю о том черном сундуке.

Едва закончив помогать Лапочке с грязной посудой, я сразу нахожу предлог, чтобы улизнуть. Уже темнеет, когда я выскальзываю из кухни и иду по коротенькой дощатой дорожке, ведущей к маленькому сараю на заднем дворе. Сейчас отлив, и я ощущаю тошнотворно-сладковатый запах ила и гниений.

Дверь в сарай никогда не запирается – никакие двери в Ла-Кашетте не запираются, – поэтому она открывается сразу, когда я поворачиваю ручку. С потолка свисает электрическая лампочка без плафона, но, когда я тяну за шнурок, свет не загорается. По всей видимости – перегорела. Надо было взять с собой фонарик. Солнце еще не село, но в сарае нет окон, и приходится довольствоваться только тем закатным, тусклым светом, что проникает сквозь открытую дверь.

Через хлам, пыль и паутину я расчищаю себе путь в заднюю часть сарая. Свет быстро уходит, и я с трудом разбираю надписи на картонных коробках, сложенных друг на друга высотой до плеча.

«РОЖДЕСТВЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ»

«ТУРИСТИЧЕСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ»

Ну, вы понимаете, те вещи, которые все хранят в чулане.

Я снимаю коробки одну за другой, пока не освобождается место за ними, где должен быть сундук, но там его нет, что сильно меня удивляет.

– Что ищешь? – в почти полной темноте я слышу чей-то голос, затем в открытой двери появляется фигура, заслоняя слабый свет, который проникал в сарай.

Я стремительно разворачиваюсь, сшибая одну из коробок, из нее на пыльный пол разлетаются рождественские украшения. Высокая фигура закрывает дверной проем, но разглядеть черты лица я не могу из-за слабого падающего снаружи света. Неведомая пустота.

Чужак!

Я отступаю, вжимаясь спиной в коробки. Потом возникает вспышка света, за которой следует запах серы, а затем мелькают темно-рыжие волосы.

Кейс держит возле лица зажженную спичку, а безликий монстр исчезает.

Он делает ко мне шаг, и вот тогда я замечаю, что он держит в одной руке. Это длинная палка с четырьмя острыми и смертельными зубцами на конце – острога. Они запрещены, но местные жители по-прежнему используют их для охоты на мелководье.

– Слышал, что ты приехала, – произносит он, оглядывает

¹⁴ «Говорящая» доска для спиритических сеансов.

сарай и повторяет свой вопрос: – Ты что-то ищешь? – Его глаза смотрят в пол, обшаривая потаенные углы.

– Нет, – лгу я. – Просто кое-что убираю, Лапочка попросила. – Я наклоняюсь и сгребаю рассыпавшиеся украшения, но мои руки дрожат.

Кейс – мой друг!

Спичка догорает, и мы опять остаемся в темноте.

– Кейс... – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и спокойно. Но он не дает мне закончить.

– Я не делал этого, Грей. Что бы они тебе ни твердили, что бы ни говорил Харт, я никогда не поднимал руку на Элору. – В его голосе слышатся нотки страдания. Это по-настоящему. Я сразу вспоминаю о том, что знакома с Кейсом всю свою жизнь. – Черт. Ты это знаешь. – Он произносит слова с кадзунским акцентом. Каким бы грубым и резким ни был Кейс, когда он говорит, это всегда звучит как музыка. Следует долгая пауза. – Господи, Грей. Я же ее любил.

– Она тоже любила тебя.

Проклятие!

Я тут же поправляюсь:

– Она тоже любит тебя.

– Чушь собачья. – Кейс качает головой и прислоняется к дверному проему. – Не играй со мной, Грей.

– Что ты имеешь в виду?

Он засмеялся, но это был трескучий смех, словно какую-то вещь уронили или наступили на нее.

– Да, Элора была влюблена, но точно не в меня.

– В кого же?

Кейс зажигает другую спичку, и на секунду я вижу его глаза. Они зеленые, как у меня, но в оранжевом пламени спички глаза горят ярко, как у какого-нибудь ночного животного.

– Без понятия, – говорит он. – Я подумал, если кто-нибудь должен знать, это, скорее всего, будешь ты.

Но у меня нет ни малейшего представления, тот факт, что Элора могла, наконец, в кого-то влюбиться – по-настоящему влюбиться – а я ничего об этом не знала, становится для меня еще одной глубокой раной.

– Откуда ты знаешь, что был кто-то еще? – спрашиваю я, и Кейс опять смеется, потом поворачивает голову, чтобы сплюнуть позади себя в ил.

– Не надо быть долбаным экстрасенсом, чтобы это увидеть. Уж ты поверь.

Внезапно мне вспоминается прошлое лето. Как Элора начала от меня отстраняться практически сразу же, как я приехала. Я ее удушаю, заявила она. Ей требуется личное пространство, время наедине с собой. Всего этого ей никогда не хотелось прежде. По крайней мере, от меня. Я сердилась на нее, поэтому не отставала – отказывалась дать ей желаемое, – вместо того, чтобы понять, что на самом деле происходит с Элорой.

А если она скрывала от меня тайный роман?

– Я ничего не знаю, – говорю я. Кейс задувает последнюю

спичку, и лицо его снова охватывает тьма. – Мне нужно домой, меня ждет Лапочка.

Кейс освобождает дверной проем, я прохожу мимо него, но как раз в тот момент, когда я собираюсь шагнуть на дощатый настил, он хватается меня за руку и резко дергает обратно. Мгновенно Кейс поднимает острогу и мечет ее в то место, где секундой ранее стояла я, от неожиданности вскрикиваю и пытаюсь вырваться, но, когда парень поднимает острогу, мне хватает света, чтобы разглядеть толстую черную змею.

– Полегче, – усмехается он. – Это щитомордник. – И я в ужасе отшатываюсь, будто змея на самом деле меня укусила. – Надо быть осторожнее, когда гуляешь в темноте. – Голос у него густой и вязкий, как болотный ил. – Эта тварь чуть тебя не прикончила. – Кейс стряхивает умирающую змею с остроги в высокую траву рядом с дощатой дорожкой. – Смотри, куда ступаешь, *chere*.

Chere – это каджунское слово, способ выражения нежности. Как, например, «дорогая», «возлюбленная», «Печенька». Никто не называет меня «*chere*» в Арканзасе. Только в Ла-Кашетте, и обычно это вызывает у меня улыбку.

Но не сегодня вечером.

– Спасибо, – лепечу я. Мое сердце бьется со скоростью девяносто миль в час. Я смотрю на дощатую дорожку и вижу там след из ила и липкой грязи, выделяющийся на фоне свежей белой краски. Это место, где досок касалась змея.

Когда я снова поднимаю взгляд, Кейс уже исчез в темноте.

Бесшумно, как и появился.

Я снова сажусь на ступеньках парадного крыльца. Меня трясет, и не хочется, чтобы Лапочка заметила это.

Вдалеке, на пристани, я вижу мелькнувшую рыжую голову. Похоже, Кейс не ушел далеко. Теперь я скорее зла, чем испугана. Что дает ему право рыскать вокруг и подкрадываться, пугая меня до смерти? Это – отвратительный поступок.

– Я знаю, что ты там! – кричу я. Хорошо освещенные ступени крыльца придают мне смелости. – Ты что, собираешься торчать здесь всю ночь?

Мне не отвечают, но кто-то выходит из тени на свет.

Темно-рыжие волосы, но это не Кейс.

Это Ринн, младшая сестра Кейса.

Ринн всего девять лет, тощая и пучеглазая, постоянно испуганная, словно жизнь застигла ее врасплох.

– Comment ça va, Грей? – произносит она. «Как де-ла?» – вопрос, который не требует ответа. Ринн машет мне рукой. Я киваю в ответ, и она спешит подойти ко мне и сесть рядом на ступеньках. Словно я пригласила ее на чай.

Ринн босая, на ней джинсовые шорты и старая, потрепанная камуфляжная футболка, вероятно, перешедшая ей по наследству от одного из братьев. Волосы рассыпаются по плечам и ниспадают на спину.

– Я ловила светлячков, – сообщает она и показывает на светящуюся банку из-под джема.

– Осторожнее бегай тут босиком, – предостерегаю я. – Кейс только что убил щитомордника у нас за домом.

Ринн улыбается:

– Кейс ушел с папой. Они охотятся на лягушек вместе с Ронни и Одним на пруду Лэпман. Вернутся только утром.

Страх, который я испытала в сарае, опять пронзает меня, и по рукам бегут мурашки.

Талант Кейса – билокация – способность физически пребывать в двух местах одновременно. Об этом говорили древние греки. И многие католические святые, предположительно, тоже обладали такой способностью.

Здесь, в Ла-Кашетте, все знают, какой у Кейса талант. Мол, его *grand-père* – то есть дедушка – обладал тем же самым даром. Элора уверяла, что убедилась в этом сама. Якобы она точно знала, что Кейс находился дома и спал, но, когда она выбиралась с поздней вечеринки в Кинтере, всегда с каким-нибудь мальчиком, сразу же появлялся Кейс. Ждал ее на подъездной дорожке, злой как черт и весьма осязаемый.

Этого достаточно, чтобы вызвать у меня головокружение.

– Грей! – Голос у Ринн тоненький и печальный.

– Что?

– Ты скучаешь по Элоре?

– Разумеется. Я ужасно по ней скучаю.

– И я тоже. – Слова вылетают из нее торопливо, словно она только и ждала разрешения с кем-нибудь поговорить.

Ринн – единственная сестра в доме, наполненным маль-

чишками. Она была тенью Элоры с тех пор, как научилась ходить. Девушка хорошо относилась к Ринн, всегда обращала на нее внимание: заплетала ей волосы, играла с ней в разные выдуманные игры, когда больше никто не хотел. У Ринн было богатое воображение, и она постоянно что-нибудь придумывала, то драконов, то колдунов, то принцесс.

– Хочешь узнать один секрет? – спрашивает она.

Ринн наклоняется к моему уху, от нее пахнет виноградной газировкой. Я ощущаю на щеке ее дыхание, а длинные рыжие волосы щекочут мне плечо.

– Все хотят знать, что с ней случилось. – Что-то меняется в голосе Ринн, и он уже звучит не печально, а испуганно. Слова она произносит тихо, немного заикаясь. – Но на самом деле никто не хочет.

Нижняя губа Ринн дрожит, и она прикусывает ее своими кривоватыми зубами. Девчонка жует ее так яростно, я боюсь, что она прокусит до крови. Я обнимаю Ринн и чувствую, как трясется ее худенькое тело.

Ринн не просто боится, она напугана до смерти.

Издали, от дома Евы доносится звон китайских колокольчиков. Громче, чем обычно. Непрерывно и настойчиво.

– У тебя есть догадка, Ринн? – спрашиваю я. – О том, что могло случиться с Элорой?

Она смотрит на меня и кивает:

– Только это не догадка. Я ждала сто один день, поэтому теперь могу открыть секрет. – Что-то мелькает глубоко в мо-

ем сознании. Фрагмент какой-то легенды, которую я почти забыла.

– Что произошло с Элорой?

Ринн утыкается лицом мне в плечо.

– Он до нее добрался, Грей.

– Кто?

– Ругару¹⁵.

Тогда я вспоминаю эту легенду. Ругару – каджунский оборотень. Мы, маленькие дурачки, раньше пугали друг друга историями о рычащем волкоподобном существе, которое рыщет по туманным болотам в поисках добычи. Харт любил рассказывать нам, что, если ночью в полнолуние мы оставим наши окна открытыми, ругару, крадучись, заползет в них и разорвет нас на куски прямо в собственных кроватях, потом сожрет с костями и потрохами. А утром после нас найдут лишь пропитанные кровью простыни.

– Это все понарошку, Ринн, – заверяю я. – Никакого ругару не существует. Обычная выдумка.

– Это не выдумка, – возражает она. – Это правда. Умереть мне на этом месте.

– Ринн...

– Ты должна мне поверить, я это видела, Грей. Видела это в ту ночь. – Она хватается меня за руку, и ее острые маленькие ногти впиваются в мою кожу. – Я видела это своими глазами.

– Что именно? – интересуюсь я. В свете фонаря лицо Ринн

¹⁵ Разновидность фольклорных оборотней.

выглядит смертельно бледным.

Ее теплые губы шепчут мне ответ в самое ухо:

– Я видела, как ругару убил Элору.

* * *

*Зубы. Ничего, кроме зубов. Зубы, прокусывающие кожу.
Затем – мышцу. Потом – кость.*

Местные жители знают эту историю, если тебе так не повезло, что ты увидел ругару, то должен держать это в тайне сто один день. Если нарушишь правило – сам станешь этим чудовищем. В общем, Ринн отсчитывала дни.

Сто один день со времени исчезновения Элоры.

Сто один день с того момента, как Ринн видела это, или думает, что видела. Если это не ее фантазии.

Я прогоняю видение и объясняю Ринн, что это неправда, что ругару не существует. Те истории не более реальны, чем ее сказки о единорогах и феях. Она смотрит на меня так, словно я ее предала, и молчит. Просто забирает банку со светлячками и направляется в сторону своего дома, шагая босиком по высокой болотной траве. Безмолвная, как привидение.

Семья Кейса и Ринн не живет на дощатом настиле, их дом стоит на узкой полоске суши ближе к протоке Лайл. Их мать Офелия – лучшая повариха по меньшей мере на сотню миль вокруг. Они чистокровные каджуны.

Во мне нет ни капли каджунской крови, но мне всегда нравилось ужинать с Кейсом и его семьей. Этуфе¹⁶ и джамба-

¹⁶ Кушанье, приготовленное на пару, также (в Луизиане) легкий соус.

лай¹⁷. Булочки домашнего приготовления. Гигантские чугунные котлы булькающего гумбо¹⁸, которых хватит, чтобы дважды накормить каждого в Ла-Кашетте. Набив животы, мы все выходили на парадное крыльцо, их отец играл на скрипке или гармошке, а мальчики пели. Даже Кейс.

Joie de vivre.

Радость жизни.

Вкусная еда и красивая музыка. Хорошие времена. Приятные люди.

Я чувствую стыд оттого, что испугалась Кейса. Харт не прав насчет него. Ведь Кейс – один из нас, один из Летних Детей.

Войдя в дом, я вытаскиваю из кармана сложенный рисунок Серы и засовываю его на дно выдвижного ящика с нижним бельем. Конечно, это примитивный тайник, но я слишком устала, чтобы искать какой-то другой. Меня едва хватает на то, чтобы почистить зубы и натянуть чистую футболку, а потом я заползаю под одеяло.

Моя первая ночь дома.

Лапочка опять приходит посидеть на краешке моей кровати, она чешет мне спинку и мурлычет песню. Это наш ритуал с момента моего рождения.

– Спокойной ночи. Спи крепко, не позволяй москитам кусаться, – произносит она. – Люблю тебя, Сахарная Пчелка.

¹⁷ Креольское острое блюдо на основе риса.

¹⁸ Густой суп из стручков бамии.

— А я — тебя, — отвечаю я, и Лапочка целует меня в лоб, а потом гасит свет и поднимается к себе в спальню, закрыв за собой дверь.

Но сон играет со мной в прятки, как это делала Элора. Как бы сильно я ни старалась, не могу уснуть. Вероятно, это китайские колокольчики Евы не дают мне покоя, я слышу, как они снаружи звенят в темноте.

Не думаю, что дело только в этом.

Наверное, тому виной постоянная боль из-за отсутствия Элоры. Воспоминания о долгих летних ночах, проведенных на ее заднем дворе, мы загадывали желания, когда падали звезды. О пении под радио в кухне Лапочки, когда мы готовили домашнее мороженое.

Или это бесконечные вопросы не дают мне забыться сном?

Я продолжаю размышлять о том пропавшем сундуке. И о рисунке Сандра. О незнакомце без лица.

Когда время приближается к двум часам ночи, я выбираюсь из-под одеяла. Сахарок ковыляет мне навстречу, проверить, кто это ходит, но, понимая, что это я, отправляется обратно спать. Затем я медленно и аккуратно открываю парадную дверь, чтобы маленький колокольчик не звякнул, и выскальзываю на крыльцо.

Как только мои ступни касаются росы, осевшей на окрашенных досках, я понимаю, что забыла обуться. Тут же вспоминаю о том щитоморднике, которого сегодня вечером убил

Кейс.

Смотри, куда ступаешь, chere.

Я проверяю ступеньки прежде, чем сажусь на них, и смотрю в сторону воды.

Никто не назвал бы низовье Миссисипи красивым, но ночью оно выглядит привлекательнее, чем при ярком дневном свете. Течение реки всегда меня успокаивало. Однако сегодня ночью мне ее плохо видно, потому что над водой нависает плотный и густой туман.

Тишину ночи снова оживляют звуки ветряных колокольчиков. Я перевожу взгляд на соседний дом и замечаю, что теперь там два комплекта, они висят рядом с окном Евы. Не понимаю, как она засыпает при этом звоне.

Через несколько минут я слышу кое-что еще – тихий плач, замираю и вглядываюсь в темноту пристани. Звук повторяется снова; сдавленное рыдание, окутанное одеялом тумана. Густой, влажный воздух играет со мной, искажая звук. Кажется, будто он доносится из определенного места, но в то же время звучит отовсюду.

Вскоре все прекращается.

Я задерживаю дыхание, чтобы точно услышать, когда звук возобновится. И на этот раз в нем есть что-то знакомое. Я встаю, делаю несколько шагов по дощатому настилу, и меня тотчас окружает удушающий туман.

Я медленно поворачиваюсь вокруг себя.

– Элора? – шепчу я.

Плач прекращается. Кто-то тихо стонет.

– Элора? – снова повторяю я. Слышится долгое сопение, но плача больше нет. – Это ты, Элора? Это я, Грей.

А затем раздается резкий голос, словно сквозь тьму протягивается костлявая рука.

– Грей?

Мое сердце уходит в пятки, когда я замечаю призрачное свечение блуждающего шара. Фифолет, подсказывает мне интуиция. Но затем я понимаю, что это просто свет от фонарного столба на пристани. Еще одно долгое сопение, и я, следуя за этим звуком, огибаю ряды деревянных ящиков. И там нахожу ее. Мокрую, дрожащую и смотрящую на меня снизу вверх немигающими глазами.

Только это не Элора.

Очень светлые волосы, поблескивающие от капелек тумана, и бледно-голубые глаза.

– Ева?

Она закрывает лицо руками и молчит.

Я опускаюсь рядом с ней на колени.

– Ты в порядке? Тебе больно?

У нее стучат зубы, а тело ее сотрясает дрожь.

– Нет, – шепчет она, и я не понимаю, на какой из моих вопросов она отвечает.

– Что случилось, Ева? – Я пытаюсь обнять ее, но она меня отталкивает. – Что ты здесь делаешь?

Лицо у нее неживое, словно на него надели маску с чер-

тами Евы.

– Ева, объясни, что происходит.

Она неловко вскакивает и пятится от меня.

– Все в порядке, Грей. Клянусь. Просто оставь меня в покое. – В ее голосе отчаяние. – Пожалуйста.

Ева может проследить свою родословную вплоть до девушек-каскаетниц, первых француженок, посланных сюда, чтобы заселить недавно основанный Новый Орлеан. Они приехали полуголодные, грязные, больные и сошли с корабля, неся с собой сундучки в форме шкатулок, в которых лежали их вещи. Мужчины на пристани были потрясены их жутким видом. «Девчонки с каскетками», – шептали они. Девушек приняли за вампирш.

Сейчас, через триста лет, стоя здесь, в темноте и тумане, вдыхая запах сырости, исходящий от реки, и глядя на Еву – бледную, с размазанными по лицу слезами и остекленевшими глазами, – легко понять, почему те мужчины испугались.

– Евангелина! – мать Евы зовет ее с парадного крыльца. Голос Бернадетты глухой, нервозный. – Ты там, девочка?

– Ева, – произношу я, – если что-то не так, позволь мне помочь.

Тьму прорезает другой более громкий голос, пропитанный алкоголем и раздражением.

– Ева! Тащи сюда свою задницу, девчонка! – Это ее дядя Виктор. Брат матери. – У нас сейчас нет времени на твое

дерьмо!

– Знаешь, в чем ужас, Грей? – Ева вытирает лицо, затем обхватывает себя тощими руками, содрогаясь всем телом. – Мертвые, они лгут. Так же, как мы.

Потом она уходит, а я остаюсь, одинокая и сбитая с толку. Мне надо идти домой, но я иду в обратном направлении, в дальний конец пристани. Закрываю глаза и замираю над темной, рокочущей поверхностью огромной реки.

Элора – водяная ведьма, ее всегда магнетически тянуло к воде. Множество раз эта магия притягивала на это самое место, на край пристани. И она стояла тут, над могучей Миссисипи, широко раскинув руки, позволяя реке питать свою душу неудержимой жизненной силой.

Было много летних ночей, когда я просыпалась далеко за полночь, по совершенно неведомой мне причине, и чувствовала непреодолимую тягу выйти на крыльцо. Элора с темными волосами, залитыми серебристым лунным светом, находилась здесь, прямо на краю. Она ощущала мою близость, так же, как я чувствовала ее, даже во сне. Элора поворачивалась и улыбалась мне, а я, прямо в пижаме, спешила ей навстречу, чтобы посидеть на причале, тесно прижавшись друг к другу, а мощь реки – мощь Элоры – теперь передавалась и мне.

Те ночи были самыми волшебными.

Звук колокольчиков Евы несется сквозь туман и эхом отражается от реки. Этот звук заедает у меня в голове, я уже не

слышу плеска воды о причал, лягушек и насекомых. Единственное, что я слышу, это позвякивание колокольчиков.

И мелодичный смех Элоры.

Я открываю глаза и пытаюсь увидеть противоположный берег реки, но она темная и необъятная.

Мне кажется, что, если я быстро повернусь, то за мной будет стоять Элора. Я сильно чувствую ее присутствие. Прямо здесь. Но я не поворачиваю голову, потому что боюсь ошибиться.

Раздается резкий треск дерева, и я внезапно падаю. Доска, на которой я стояла, ломается под моими ногами. Я ощущаю все как в замедленной съемке, теряю равновесие, потому что мои ноги лишились опоры, руки пытаются ухватиться за что-нибудь, но ловят только воздух. Я лечу вниз и испытываю облегчение, когда мое бедро болезненно ударяется о деревянный причал. Проваливается только одна нога, и теперь она болтается над глубокой, быстро бегущей водой. Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди, я слышу его стук в ушах, он даже громче чертовых колокольчиков Евы.

Там, где я стояла всего несколько секунд назад, доска полностью прогнила или была съедена термитами. Когда я протягиваю руку, чтобы дотронуться, она под моими пальцами рассыпается в труху.

Доски долго гнили под слоем свежей побелки.

Я оглядываюсь, потому что мурашки ползают по телу, а потом накатывает странное чувство – необычное покалыва-

ние.

За мной следят.

Я твержу себе, что это мои нелепые фантазии, вытаскиваю ногу, встаю и отхожу от черной воды, спеша обратно, на спасительную дощатую дорожку, к свету на крыльце Лапочки. Вбегаю в дом и запираю за собой дверь.

Мне хочется спать, но, когда я укладываюсь обратно в постель, сон по-прежнему не идет. Я продолжаю испытывать то ощущение падения и стараюсь не смотреть на рамку с фотографией на тумбочке, не дотрагиваться до маленькой жемчужины на моей шее. Не думать о Элоре.

Вскоре я опять встаю. Четыре часа утра. Может, мне не дает покоя болезненный синяк, формирующийся на моем бедре, но к окну меня подзывает постоянный шепот ветряных колокольчиков. Туман рассеялся, и вышла почти полная луна.

Вот при такой луне и появляется ругару.

Я смотрю на пейзаж за окном, оглядывая пустоту байу за домом. Ничего, кроме болота, до самой протоки Лайл.

И тут я вижу это и задерживаю дыхание.

Фигура, сливающаяся с темнотой.

Там кто-то есть.

Кто-то неподвижный.

Наблюдающий за мной.

Étranger. Чужак.

Он не может быть дальше, чем в пятнадцати футах, лишь

тонкое оконное стекло и остатки ночи отделяют нас друг от друга.

Нечеткая, высокая фигура, но я вижу глаза, в которых мелькает ледяной голубой свет. Минуту мы смотрим друг на друга, оба застигнутые врасплох, застывшие от неожиданности. И я чувствую себя словно под гипнозом, вскоре этот некто поворачивается и растворяется в темноте, он движется с гибкой грацией ночного животного.

И я снова одна.

Мое тело дрожит. Я опускаюсь на пол и съеживаюсь около стены под своим окном. Жду тоскливого завывания волка, но слышу лишь собственное дыхание.

И нервное бормотание китайских колокольчиков.

* * *

Я подавляю панику и продолжаю бежать.

Вслепую. Сквозь дождь. Вытянув вперед руки.

Надеясь ничего не нащупать. Надеясь, что, если я что-нибудь нащупаю, это будет не он. Не он. Не он! Пожалуйста, пусть это будет не он!

Следующие несколько часов я провожу на полу. Холодно. Когда занимается рассвет, я перебираюсь в постель. Мое тело сдается, и сон наконец находит меня. Когда я просыпаюсь, время близится к полудню. Несмотря на колокольчик над дверью, я проспала первую за воскресное утро волну туристов, нахлынувших в «Мистическую Розу».

При ярком солнечном свете, льющемся в окно, и щебете клиентов, заходящих с улицы в магазин и обратно, все, что случилось прошлой ночью, кажется совсем далеким. Словно это ночной кошмар.

Но я знаю, что те глаза были реальными. Что-то находилось неподалеку от моего окна минувшей ночью.

Étranger.

Чужак.

Даже при солнечном свете и беззаботной болтовне от этого воспоминания меня до костей пробирает холод.

В кухне Лапочка оставила мне на столе тарелку с домашними печеньями. Но как только я беру одно из них, то видение про Элору вновь поражает меня. Я чувствую ее панику.

Она бежит.

Я бегу.

Вслепую. Сквозь дождь. Вытянув вперед руки.

Я хватаюсь за спинку стула, чтобы не упасть, переживая

этот ужас, потом предлагаю свое печенье Сахарку, и он съедает его.

Во рту у меня пересохло, и я открываю шкафчик, чтобы взять стакан, но меня отвлекает большая фоторамка, висящая на стене, сколько я себя помню. Внутри нее много маленьких рамок для фотографий разных размеров. Я видела ее миллион раз, но никогда по-настоящему к ней не приглядывалась.

Теперь же я внимательно смотрю на фотографию в центре. Я сижу на коленях у матери на ступеньках «Мистической Розы». Вероятно, снимок был сделан вскоре после того, как погибли Эмбер и Орли, потому что на мне розовый сарафан, который Лапочка сшила мне ко дню рождения. Думаю, я была без ума от этого сарафана, поскольку он надет на мне почти на всех фотографиях, где мне четыре года.

Длинные каштановые волосы моей матери собраны сзади изящной серебряной заколкой в виде колибри с красиво расписными глазами. Изначально таких заколок было две, и она носила их постоянно. Мне тоже нравились эти заколки, потому что это была пара, как мы с Элорой, но в какой-то момент одна из них потерялась. Еще до того, как был сделан этот снимок. У меня до сих пор хранится вторая, что на этой фотографии. Заколка находится у меня в спальне, но я никогда ее не ношу.

Я позволяю своему взгляду задержаться на мамином лице. Я всегда думала, что наши зеленые глаза одинаковые.

Большие, зеленые глаза, Харт говорил, что я напоминаю ему древесную лягушку.

Но на фотографии у нас разный взгляд.

Мой – невинный, а взгляд моей матери – загнанный. Или пустой, словно внутри ничего не осталось.

Я размышляю о том, что вчера сказала Сера. *У твоей мамы был мощный дар.*

Я впервые слышала об этом. Конечно, есть множество вещей, которые я не знала о своей матери. Начиная с того, почему она лишила себя жизни.

Мне невыносимо находиться в кухне вместе с этими загнанными глазами, поэтому я направляюсь в торговый зал.

Лапочка занята тем, что расставляет на серебряном подносе флакончики с эфирными маслами. «КУПИ ОДИН И ПОЛУЧИ ВТОРОЙ БЕСПЛАТНО». Ее взгляд озабоченный, когда она видит темные круги у меня под глазами.

– Трудная ночь, Сахарная Пчелка?

Я киваю и забираюсь на высокий табурет за кассой.

– Просто тяжело находиться здесь без нее.

Не то чтобы я приняла сознательное решение не рассказывать ей о моем ночном госте или о том, что случилось ранее. О плачущей в ночи Еве, о моем смертельно опасном падении на причале. Я даже не осознала, что собираюсь солгать, пока этого не сделала. Но решение принято, и я не знаю, как его отменить. Я пробыла дома только сутки и уже жонглирую секретами, как ножами.

Лапочка кивает.

– Все, что мы теряем, вернется к нам в иной форме, – напоминает она. – Однако это не означает, что не нужно горевать.

Мне по-прежнему хочется верить, что Элора жива, но с каждым ужасающим видением все труднее цепляться за эту надежду. Это как стараться удержать кубик льда, пока он тает, а в итоге вода просачивается между пальцев.

– Ты думаешь, она мертва?

Лапочка перестает трогать флаконы и смотрит на меня.

– Ты спрашиваешь, что я думаю? Или что знаю?

– Второе.

– Я бы хотела сказать тебе наверняка, Грей. Но это так не работает. Если бы работало, мы бы все выигрывали в лотерею, не так ли? – Она ставит на поднос последнюю изящную бутылочку. – Это не то же самое, что сделать заказ в ресторане или выбрать что-нибудь из каталога. Я пыталась объяснить это шерифу. Мертвые сообщают нам что-то, только если хотят, чтобы мы это знали. Я не могу у них спросить, что хочу.

– Мне ее не хватает, – говорю я, потому что это, похоже, единственное, что я могу сказать с уверенностью.

– Ох, Сахарная Пчелка, – вздыхает Лапочка и гладит меня по щеке. – Мне хотелось бы иметь нужные тебе ответы, это так тяжело, когда кто-то уходит и оставляет после себя пустоту.

Я боюсь задать следующий вопрос, но он сам слетает с моих губ.

– Моя мама любила меня?

Лапочка отворачивается к крохотным флакончикам, берет оранжевый и подносит его к глазам, чтобы посмотреть на ярлычок.

– Ты была для нее всем, но были вещи, с которыми ей невыносимо было жить. – Она возвращает флакон на место. – Вещи, которые съедали ее изнутри, пока от нее почти ничего не осталось. Особенно в последние несколько лет.

Прежде чем я успеваю спросить, о чем Лапочка говорит, звенит колокольчик над дверью, и входит еще одна группа туристов. Мы предлагаем им воду, бутерброды и книги по астрологии. Они оплачивают тридцатиминутное гадание, и Лапочка просит меня последить за кассой, а потом ведет их к маленькому алькову в углу и задерживает создающую уединение занавеску.

Когда колокольчик звенит опять, я поднимаю голову, чтобы сказать: «Добро пожаловать в “Мистическую Розу”, нежные души». Как научила меня Лапочка. Но это всего лишь Харт.

Я не хочу его видеть, поскольку уже знаю, что не расскажу ему о своем ночном госте. Или о тех рисунках, что показали мне близнецы, о пропавшем черном сундуке.

Харт не захотел бы, чтобы я таким способом его оберегала, он бы разозлился, но мне невыносимо причинить ему

новую боль.

Во всяком случае, пока я не разберусь, что все это значит.

Харт неторопливо приближается к прилавку, словно я барменша с Дикого Запада, а он пришел заказать двойную порцию виски. Ставит локти на стеклянную поверхность и зарывается пятерней в волосы.

– Я думал о том, что ты мне сказала. – Харт обводит глазами магазин и понижает голос: – О тех твоих видениях про Элору. – Мне приходится наклониться к нему, чтобы слышать слова, и я ощущаю запах кофе и сигарет. – О том, как она убегает от кого-то.

Наши головы почти соприкасаются, его волосы щекочут мою щеку, а мне страшно находиться так близко к нему. Я беспокоюсь, что Харт сможет почувствовать меня, уловить, что я кое-что скрываю.

– Это должен быть Кейс, – произносит он. Его глаза мрачнеют, в них словно назревает грозовой шторм, который часто бывает у нас на болоте. – Это единственное, что пришло мне в голову, ведь он такой ревнивый.

Я стараюсь прогнать эти мысли, но тот страх, который я ощутила в сарае, выползает, словно щитомордник. Мурашки бегут по моим рукам и поднимаются по шее.

– Он приходил ко мне вчера вечером, – признаюсь я. – Кейс думает, будто Элора изменяла ему, будто она была влюблена в кого-то другого. – Харт вскидывает голову и хмурится, а лицо его бледнеет. – Он хотел, чтобы я сообщила

ему, в кого.

– Все это чушь собачья. Теперь ты понимаешь, о чем я говорю, Грей? – Харт крепко стискивает челюсть и нервно проводит по волосам рукой. – Если Кейс считал, что это правда... если вбил себе в голову... это более чем достаточный мотив для...

– Для убийства, – говорю я, и он кивает, но я все равно не хочу в это верить. – Ты от него что-нибудь чувствуешь? От Кейса?

– Да, – отвечает Харт. – Но в этом как раз и проблема, слишком много всего: чувство вины, злость, боль, ревность и страх. Сама выбирай, что нравится. У парня в душе чертов коктейль. Всего и не перечислить.

– Однако ничто из этого не свидетельствует о том, что он ее убил, – возражаю я. – Я тоже чувствую все эти вещи. Все до единой.

– Да. – Лицо Харта смягчается. – Знаю, Грейси.

Я делаю шаг назад и напоминаю себе, что Харт лишь ощущает эмоции. Он не может знать причину.

– Но ничто из этого не свидетельствует о том, что он ее не убивал. – Лицо Харта становится строгим. – Кейс что-то скрывает.

Мне хочется, чтобы между нами было больше пространства, потому что я тоже кое-что скрываю, но владение секретами не делает тебя убийцей. Кроме того, тот, кто находился под моим окном прошлой ночью, определенно не был

Кейсом.

– Может быть, это кто-то посторонний? Кого мы даже не знаем? Может...

– Нет, – качает головой Харт. – Элора ведь исчезла не с парковки продовольственного магазина. Чем занимался здесь этот человек? Откуда он взялся у протоки Лайл, да еще и поздно ночью? Это бессмыслица.

– А тогда что насчет Демпси Фонтено? – спрашиваю я. – То, что он совершил с Эмбер и Орли...

– Это не имеет никакого отношения к Демпси Фонтено. Лучше бы ты вообще о нем не упоминала, довела себя до того, что видишь призраков.

– А если...

– Перестань, это же древняя история! – Харт с силой ударяет по прилавку, и маленькие бутылочки подсакивают. – Забудь про нее, Грейси.

Звонит колокольчик, и в магазин, держась за руки, заходит молодая пара.

– Добро пожаловать в «Мистическую Розу», нежные души, – произношу я, а Харт отходит и делает вид, будто рассматривает свечи, а я тем временем помогаю Йену и Мэнди с озера Чарльз определиться с покупками, затем пробиваю их товары: благовоние, книгу о диких травах южной Луизианы и один приворотный камень.

Я надеюсь, их деньги окупятся.

Когда они уходят, Харт возвращается к прилавку, накло-

няется ко мне и протягивает руку, чтобы дотронуться до кулона Элоры с маленькой голубой жемчужиной. Мазолистые пальцы касаются яремной впадины у меня на шее, и я замираю.

– Ты можешь выйти отсюда? – тихо спрашивает он.

– Да, как только Лапочка закончит со своим гаданием.

Харт кивает:

– Я подожду тебя снаружи.

Я наблюдаю, как он скрывается за дверью, и спрашиваю себя, что сказала бы Элора, если бы увидела, как жалко я выгляжу, потому что сохну по ее брату.

Иногда, когда я сбегала с работы в магазине, мы с Элорой прятались в высокой траве за сараем. Мы ели мятные конфеты, украденные с блюда сладостей Лапочки, а Элора подтрунивала над моей безнадежностью в том, что касалось мальчиков. Время от времени я пыталась подражать ее тембру голоса, чтобы проверить, будет ли он звучать так же музыкально и очаровательно, как у нее. Но Элора постоянно повторяла, что мой голос звучит, как крики умирающего гуся. После чего мы хохотали до слез.

Элора могла флиртовать с любым, для нее это было легко, как дышать. Я не обладала такой непринужденной магией. Я вообще никакой не обладала, кроме той, которой делилась со мной Элора.

Когда через десять минут я выхожу на улицу, Харт стоит на причале. Я внимательно рассматриваю его: длинные но-

ги, крепкая спина в облегающей белой футболке, ковбойские сапоги, потертые джинсы и непослушные черные кудри. Мои подружки из Литл-Рока съели бы его на десерт.

Но этим летом Харт другой. Жесткий, неприступный.

Он оборачивается, понимает, что я за ним наблюдаю, поэтому спешу к нему по дощатой дорожке.

– Интересно, что тут произошло? – Харт указывает на то место, где подо мной проломилась доска. Кто-то обнес это место сигнальной лентой, чтобы не пускать туда людей.

– Я чуть не свалилась в воду, – признаюсь я. – Доска прогнила.

– Господи! – Он вытаращивает глаза. – Ты же могла погибнуть. Когда? Что случилось?

– Вчера, поздно вечером. Я кое-что услышала и пошла посмотреть. – Все вспоминается как нечто нереальное. – И доска просто...

– Проклятие! – Внезапно Харт подсакивает ко мне и сильно сжимает мои плечи, а затем тихо и сдавленно произносит: – Ты не должна ходить сюда вечером, Грей. – Харт одновременно зол и испуган. Это напоминает мне случай, когда я была ребенком и Лапочка поймала меня за игрой со спичками в сарае.

– Ты делаешь мне больно, – говорю я.

Харт встряхивает меня.

– Хочешь закончить, как Элора? Это опасно. Не смей больше, ладно?

– Угу. – Я в замешательстве. Никогда я не видела Харта таким. – Конечно, – бормочу я. – Хорошо.

– Послушай меня. – Он ослабляет хватку, но не отпускает от меня. – Здесь, в темноте что только не происходит, Грейси. – Харт убирает руки, и я отступаю на пару шагов. – Случаются разные опасные ситуации.

Я киваю:

– Я буду осторожнее. Обещаю.

– Мне нельзя и тебя потерять. – Он садится на старый деревянный ящик, и мне кажется, будто Харт сломается, как та гнилая доска, если бы я до него дотронулась, он бы рассыпался в труху. – Прошу тебя, Грейси.

Впервые в жизни я вижу, что Харт едва сдерживает слезы, но он не плачет. Лишь смотрит вдаль, на широкую, илистую реку. И проходит долгое время, прежде чем Харт произносит:

– Она не вернется, ты ведь это знаешь, верно?

– Не надо, пожалуйста!

– Кто-то убил Элору. Тебе нужно смириться с этим, и если это не Кейс, тогда я не понимаю, кто это мог быть.

Вот так.

Во всеуслышание.

Мы долго и молча сидим. Минуты ползут медленно, как речные баржи. Харт вытаскивает сигарету и прикуривает ее, пока мы наблюдаем за маленькими буксирными судами, снующими туда-сюда по Миссисипи. Он откидывает голову,

чтобы выпустить струю дыма, и это напоминает мне пар из трубы парохода.

– У нас была драка, – признаюсь я. – Весьма серьезная, в последнюю ночь, в августе прошлого года.

Харт докуривает сигарету и тушит ее каблуком сапога.

– Из-за чего?

Я пожимаю плечами:

– Так сразу и не скажешь... Из-за того, что Элора хотела уехать отсюда, а я, наоборот, вернуться. Да много из-за чего. – Я смотрю на сигаретный дым, который висит в неподвижном послеполуденном воздухе. Мне хочется подобно этому дыму уплыть вдаль. – К этому все шло. У Элоры возникло ощущение, словно она задыхается, ее душит это место, моя дружба. – Теперь Харт внимательно смотрит на меня. – А я не очень-то хорошо это восприняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.